

Брет Гарт

Габриель Конрой

Перевод с английского
Абея Старцева

ФТМ

Фрэнсис Брет Гарт
Габриэль Конрой

«ФТМ»

Брет Гарт Ф.

Габриэль Конрой / Ф. Брет Гарт — «ФТМ»,

Полная испытаний и жестокости жизнь золотоискателей американского Запада, суровые и мужественные герои, проявления человеческой доброты и верности – вот главные темы произведений Брет Гарта. Он был дерзким журналистом, лирическим поэтом, своеобразным прозаиком. Его писательский дар признали сразу и, как ни удивительно, раньше всего в России. Но не только авантурные сюжеты и колоритные образы героев произведений Брет Гарта влекут к его книгам все новых читателей, а возможно, торжество справедливости, которое присутствует и в единственном романе «Габриэль Конрой», и в повестях и рассказах.

© Брет Гарт Ф.

© ФТМ

Содержание

Часть первая	5
1. Вовне	5
2. Внутри	10
3. Гэбриель	16
4. Природа указывает путь	19
5. Из лесу – в сумрак	22
6. Следы	25
7. Следы теряются	28
8. Следы почти неразличимы	30
9. Следы исчезли навсегда	33
Часть вторая	37
1. Гнилая лощина	37
2. Госпожа Деварджес	44
3. Миссис Маркл	49
4. Коварного Гэбриеля начисто разоблачают	56
5. Простодушие против хитрости	61
Часть третья	67
1. Ветеран 49-го года	67
2. Толпа свидетелей	73
3. Прелестная миссис Сепульвида	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Брет Гарт Габриэль Конрой

Часть первая На пороге

1. Вовне

Бело. Кругом бело. Даже если вы взберетесь на самую высокую из здешних вершин, чтобы глянуть на юг, – а окрестность открывается оттуда на добрые пятьдесят миль, – то и тогда не увидите ничего, кроме снега. Снег засыпал яры и ущелья, одел белым саваном каньоны, преобразил водораздел в подобие чудовищного могильника, укрыл основания сосен-гигантов и с верхушками упрятал молодые сосенки и лиственницы, облил белой глазурью берега чашеобразных озер, таких тихих сейчас и недвижимых, и простерся – словно застывший волнистый океан – вплоть до самой линии горизонта. 15 марта 1848 года калифорнийская Сьерра была под белым покровом, а снег все валил и валил.

Он шел уже десять суток. Он падал на землю изящными ледяными кристаллами, мокрыми губчатыми хлопьями, прозрачными легкими пушинками. Из свинцовых туч он шел ровно и медленно, с багряно-черного неба валился плотной массой, а когда по небу пронеслись разорванные облака, они выбрасывали снег длинными струями, словно белые копья. Он падал беззвучно. Леса задыхались от снега, ветви деревьев изнемогали под его тяжестью; он захватил, пропитал, взял в полон и небо и землю; он укутал, устилал мягким ковром гулкие утесы и звенящие эхом склоны гор, обрекши их на безмолвие. Самый резвый порыв ветра, самый яростный вихрь не мог теперь вызвать ни жалобы, ни вздоха от скованного снегом, окаменевшего леса. Сук не хрустнет, хворост не затрещит. Перегруженные снегом ветви сосен и елей отламывались от стволов и падали на землю в молчании. Безмерная, бескрайняя, необъятная тишина!

Ни малейшее дыхание жизни, ни малейшее движение не нарушали строго очерченный облик этого заколдованного пейзажа. Вверху не было привычной игры света и тени: сгущающаяся тьма бури сменялась ночной тьмой. Внизу – ни птицы над белой пустыней, ни зверя – в черном лесу. Если и обитали когда в этих пространствах живые существа, они давно ушли прочь – в низины. Нигде – ни пробитой тропы, ни следа. Если и был здесь отпечаток ноги человека или животного, его стер, замел падающий снег. Пустыня просыпалась каждое утро девственной и безмятежной; миллионы крохотных танцоров успевали отполировать за ночь снежную гладь. Но все же в самом центре пустыни, в главном форте этой суровой крепости виднелся знак людского труда.

Несколько срубленных деревьев лежало у самого входа в каньон, свежие стружки были лишь слегка припорошены снегом. Эти деревья были свалены для того, чтобы вернее открыть взору другое дерево, к стволу которого было прикреплено грубое изображение человеческой руки, указующей на каньон. Под изображением руки был накрепко прибит квадратный кусок парусины со следующей надписью:

«ВНИМАНИЕ!

Партия переселенцев под водительством капитана Конроя заблудилась в снежную бурю и разбила лагерь в этом каньоне. Продовольствие кончилось. Умираем голодной смертью.

Вышли из Сент-Джо 8-го октября 1847 года.

Вышли из Солт-Лейк 1-го января 1848 года.

Прибыли сюда 1-го марта 1848 года.

Потеряли половину лошадей, переправляясь через Плату.

Бросили повозки 20-го февраля.

ПОМОГИТЕ!

Вот наши имена: Джоэл Маккормик, Питер Дамфи, Поль Деварджес, Грейс Конрой, Олимпия Конрой, Мэри Дамфи, Джейн Брэкет, Гэбриель Конрой, Джон Уокер, Генри Марч, Филип Эшли «.

Внизу было приписано помельче карандашом:

«Мама умерла 8-го ноября в Суитуотере.

Мини умерла 1-го декабря в Эхо-Каньоне.

Джейн умерла 2-го января в Солт-Лейк.

Джеймс Брэкет пропал без вести 3-го февраля.

ПОМОГИТЕ!»

Жалобы страдальцев обычно не претендуют на изящество стиля или законченность формы; сомневаюсь, однако, чтобы какие-либо риторические ухищрения могли придать этому объявлению еще большую выразительность. Поэтому я привожу его в точности, как оно висело на дереве в день 15 марта 1848 года, полузакрытое тонкой пленкой мокрого снега, под выбеленной снегом, словно отмороженной, рукой, указующей окостеневшим перстом – как если бы то был перст самой смерти – в сторону рокового каньона.

В полдень буря поутихла, и восточная сторона неба чуть посветлела. Стали различимы суровые очертания дальних вершин, и, словно запавший от бескормицы, белый рок горы заблестел. Кто-то двигался по заснеженному склону, двигался медленно, с огромным трудом, двигался столь странным образом, что не сразу можно было решить, человек это идет или зверь. То он поднимался на ноги, то припадал на четвереньки, иногда устремлялся вперед, словно пьяный, утративший чувство равновесия, но при всем том строго сохранял принятое направление: он шел к каньону.

Вскоре сомнения рассеялись: то был человек. Исхудалый до невозможности, оборванный, укутанный в ветхую бизонью шкуру, но все же человек, и к тому же решительного характера. Молодой человек, хотя плечи его ссутулились, а ноги едва ходили, хотя горе и заботы избородили его лоб преждевременными морщинами и проложили складки в углах застывшего рта; молодой, хотя страдания и голод прогнали с его лица юношескую беспечность, оставив лишь ярость и отчаяние.

Подойдя к дереву у входа в каньон, он счистил снег с парусинового плаката, а потом привалился к стволу и простоял несколько минут неподвижно. В отрешенной этой позе сквозило нечто такое, что говорило о крайнем изнеможении еще красноречивее, нежели лицо его и движения, и было трудно объяснимо даже при создавшихся обстоятельствах. Чуть-чуть отдохнув, он двинулся дальше, подстегивая свою нервную энергию, спотыкаясь, падая, останавливаясь, чтобы поправить соскальзывавшие с ног лыжи-самоделки из еловой коры, и вновь устремляясь вперед с лихорадочностью человека, который страшится, как бы не изменила ему его крепкая воля, последний его оплот.

На расстоянии мили от дерева, где каньон, сужаясь, постепенно поворачивал к югу, из отверстия в снегу поднимался слабый кудрявый дымок. Когда молодой человек подошел поближе, он увидел свежие следы; у невысокого холмика, откуда тянулся дым, снег был утоптан. Тут он остановился, а если точнее сказать, прилег у входа в снеговую пещеру и что-то крикнул слабым голосом. Ответ прозвучал еще слабее. В отверстии показалась голова; из пещеры вылез человек, закутанный в лохмотья; за ним второй, третий, четвертый; скоро восемь человеческих существ, мужчин и женщин, окружили лежавшего на снегу вестника.

Они сидели, при-пав к земле, как звери; на зверей они походили и полным отсутствием чувства приличия и стыда.

Они были так худы, так измучены, на их прозрачных от истощения лицах царила такая безнадежность, человеческое в них – вернее, то, что осталось человеческого, – пробуждало столь сильную жалость, что, глядя на них, трудно было не заплакать. Скотское же в них, пробужденное выпавшими на их долю лишениями, тупость, зверство, отсутствие мысли в лице выглядело столь нелепо, что поневоле рождался смех. Это были деревенские жители, принадлежавшие в большинстве к тому социальному слою, который черпает самоуважение не в нравственной силе и не в силе интеллекта, а лишь в общественном положении и во владении собственностью. Как только страдание уравнило их, они отбросили стыд и совесть: за душой у них не осталось ничего, что могло бы заменить утраченные материальные блага. Они были детьми, но без детского честолюбия и духа соревнования; они были мужчинами и женщинами, но лишенными спокойной важности зрелого возраста. Все, что возвышало их над животным состоянием, было потеряно в снегах. Утрачены были даже видимые различия пола и возраста: шестидесятилетняя старуха ссорилась, дралась и сквернословила с ухватками заправского буяна; страдавший цингой юноша хныкал, стонал и падал в обморок подобно истерической девице. Так глубоко они пали, что вестник, вызвавший их из снежной пещеры, сколь ни был сам он дик с виду и подавлен душевно, казался теперь существом из другого мира.

Все эти люди были не в себе, сознание их помутилось, но одна женщина, как видно, вовсе лишилась рассудка. Она держала небольшое одеяло, сложенное так, словно в нем был укутан младенец (ребенок умер у нее на руках несколько дней тому назад), и баюкала сверток с трогательной верой в свою странную выдумку. Еще прискорбнее было то, что ее бред не пробуждал в окружающих ни малейшего отклика, ни раздражения, ни сочувствия; они просто его не замечали. Когда через несколько минут женщина попросила не шуметь, чтобы не разбудить ребенка, они устремили на нее равнодушные взоры. Только рыжеволосый мужчина, жевавший клоч бизоньей шкуры, злобно осерчился на несчастную, но тут же позабыл о ней и снова погрузился в жвачку.

Вестник немного помедлил, скорее для того, чтобы собраться с силами, нежели выжидая внимания своих беспокойных слушателей. Потом произнес одно-единственное слово:

– Ничего!

– Ничего? – Они откликнулись в один голос, но с разной интонацией, отражавшей особенности темперамента каждого: один свирепо, другой угрюмо, третий тупо, четвертый безнадежно. Женщина, баюкающая свернутое одеяло, рассмеялась и прошептала несуществующему ребенку:

– Он сказал: ничего!

– Да, ничего, – повторил вестник. – Вчерашний снегопад опять занес дорогу. Сигнальный огонь на холме погас; кончилось горючее. Я повесил объявление у водораздела... Еще раз замечу, Дамфи, и я прошибу твою мерзкую башку.

Дело в том, что женщина с младенцем попыталась подобраться поближе, и рыжеволосый мужчина грубо оттолкнул ее и ударил; он был ее мужем и таков был, очевидно, обычай их семейной жизни. Женщина словно не заметила ни мужнего гнева, ни колотушек – равнодушные, с каким эти люди принимали оскорбления и удары, было устрашающим – и, подползши к вестнику, спросила с надеждой в голосе:

– Значит, завтра?

Выражение на лице молодого человека смягчилось, и он ответил ей, как отвечал уже восемь дней подряд:

– Завтра наверняка.

Она отползла прочь, бережно придерживая свой сверток, и исчезла в пещере.

– Сдается мне, что от тебя мало толку. Сдается мне, что ты ни гроша не стоишь, – заявила скрипучим голосом одна из женщин, уставившись на вестника. – Почему никто из вас сам не пойдет на разведку? Почему вы доверяете свою жизнь и жизнь ваших жен этому Эшли?

Голос женщины становился громче и громче, пока не перешел в рев. Генри Конрой, истерический юноша, сидевший рядом с ней, поднял дикий испуганный взгляд и, словно опасаясь, как бы его не втянули в ссору, поспешил ретироваться по примеру миссис Дамфи.

Эшли пожал плечами и возразил, обращаясь не столько к говорившей, сколько к группе в целом:

– Спасение – только в одном... И для меня и для вас... И вы это отлично знаете. Оставаться здесь – верная гибель. Надо идти вперед, чего бы это ни стоило.

Он поднялся и медленно зашагал прочь, туда, где в нескольких десятках метров вверх по каньону возвышался еще один снежный холмик. Вскоре он исчез из виду.

Только он ушел, сидевшие кружком сварливо загомонили:

– Отправился к старому доктору и к девчонке. На нас ему наплевать.

– От этих двоих нужно избавиться.

– Да, от сумасшедшего доктора и от Эшли.

– Чужаки, – и тот и другой.

– С них все и пошло!

– Только подобрали его, и сразу не стало удачи.

– Но ведь капитан сам позвал старого доктора в Суитуотере и взял его в долю, а Эшли внес свой пай продовольствием.

Это сказал Маккормик. Где-то в глубинах его ослабшего сознания еще брезжило чувство справедливости. Голод не притупил его разума до конца. Кроме того, он с нежностью вспоминал о вкусной еде, внесенной Эшли в общий котел.

– Ну и что с того? – вскричала миссис Брэкет. – Разве не от него все наши беды? Мой муж – в могиле, а этот чужак, этот хорек здравствует, как ни в чем не бывало.

Хотя голос ее звучал по-мужски, логика была чисто женской. И все же в атмосфере глубокого физического и умственного упадка, в том сумраке, который предшествует смерти от истощения и голода, такого рода логика часто бывает притягательной. Все они поддались ей и излили свои высокие чувства в едином аккорде: «Будь он проклят!»

– Что же с ним сделать?

– Будь я мужчиной, я сказала бы.

– Прирезать.

– Убить и... – Конец фразы миссис Брэкет произнесла шепотом, обращаясь исключительно к мистеру Дамфи; и другие так его и не услышали. Эти же двое продолжали беседовать между собой, доверительно качая головами, как два непарных, но равно мерзких на вид китайских болванчика.

– Поглядите, сколько у него сил, а ведь он непривычен к труду, как мы с вами, – сказал Дамфи. – Ручаюсь, у него что-нибудь да имеется.

– Что именно?

– Имеется что покушать! – Буквами не передать силу выражения, вложенную в последнее слово. – Пойдем-ка за ним.

– И убьем его, – внесла свое предложение добросердечная миссис Брэкет.

Охваченные энтузиазмом, все поднялись на ноги, проковыляли несколько шагов и тут же повалились на снег. Но и тогда у них не нашлось капли самоуважения, чтобы устыдиться своего неудавшегося замысла. Дамфи один поплелся дальше.

– Что это был за сон, который ты начал рассказывать? – спросил мистер Маккормик. Он устроился в снегу поудобнее, позабыв, как видно, начисто о том, что собирался делать минуту назад.

– Про обед в Сент-Джо? – откликнулся тот, к кому он обратился с вопросом. Этот человек был наделен гастрономической фантазией, которая стала для его сотоварищей источником блаженства и муки одновременно.

– Да, да!

Все пододвинулись к рассказчику, и даже отошедший было Дамфи застыл на месте.

– Так вот, – сказал мистер Марч, – на первое подали бифштекс с луком. Огромный бифштекс, сочный-пресочный; он просто плавал в луковой подливке. – У слушателей потекли слюнки, а мистер Марч с инстинктом прирожденного рассказчика, словно запомнил только что сказанное, повторил снова: – ...просто плавал в луковой подливке. Потом подали печеную картошку.

– В тот раз ты сказал жареную. С нее капал жир, – прервала его миссис Брэкет.

– Кто захотел жареную, тому дали жареную. Но печеная сытнее, она с кожурой. Потом подали колбасу и кофе. А под конец – блинчики.

При этом волшебном слове слушатели захохотали, быть может, не достаточно весело, но зато дружно и с готовностью.

– Давай дальше!

– Под конец подали блинчики!

– Ты уже сказал об этом, – прорычала миссис Брэкет, впадая в неистовство. – Дальше давай, будь ты проклят!

Творец лукулловского пиршества почувствовал надвигающуюся опасность и огляделся, ища Дамфи. Но того и след простыл.

2. Внутри

Жилище, в которое спустился Эшли, было ниже уровня снежного покрова, наподобие гренландского «иглу». Стало оно таким не по замыслу своих строителей, но волей обстоятельств. Снег, падая день за днем, все сильнее заносил вход в хижину, все плотнее оседал белой лесенкой на ее стенах; а сил у обитателей домика становилось все меньше, пока наконец они не оставили для связи с внешним миром только узкое отверстие наружу. Воздух в хижине был спертый, удушающим, но зато здесь было тепло; холод для истощенного организма страшнее тьмы и духоты.

Огонь, тлевший в печурке, бросал на стены слабый отблеск. В полутьме на полу можно было различить четыре фигуры: возле огня лежали молодая девушка и ребенок трех или четырех лет, покрытые одним одеялом; ближе к двери двое мужчин – каждый сам по себе. Всех четырех легко можно было счесть за мертвецов – столь глубокой была их дремота.

Наверное, подобные опасения возникли и у Эшли; помедлив у входа, он молча подошел к девушке, опустился на колени и коснулся рукой ее лица. Прикосновение было легким, но прервало ее забытие. Не знаю, что за магнетизм таился в пальцах молодого человека, но девушка села, схватила его за руку и, еще не раскрыв глаза, промолвила:

– Филип!

– Тише, Грейс! – Он поднес ее руку к губам, поцеловал, потом предостерегающе кивнул в сторону спящих. – Не так громко. Я должен тебе многое сказать.

Девушка не отрываясь смотрела на него и, казалось, почерпала в том блаженство.

– Ты вернулся, – прошептала она, чуть улыбаясь. В ее взгляде можно было прочесть, что это для нее важнее всего на свете. – Ты мне только что снился, Филип.

– Милая Грейс, – он еще раз поцеловал ей руку. – Послушай, дорогая, что я тебе скажу. Я вернулся, но без новостей. Никакого просвета, никакой надежды на помощь. Я думаю, Грейс, – тут он зашептал еще тише, чтобы слова его не достигли ничьих ушей, – что мы забрели далеко к югу от главного пути. Только чудо или несчастье, подобное нашему, может привести сюда других людей. Мы одни, без всякой помощи, в неведомом краю, который покинули даже индейцы и дикие звери. Мы можем надеяться лишь на собственные силы, а сил у нас мало, – он бросил на спящих взгляд, не лишенный некоторого цинизма, – ты знаешь это не хуже моего.

Она сжала его руку, словно относя упрек и к себе и прося извинения, но ничего не сказала.

– Мы утратили не только физические силы, но и внутреннюю дисциплину, – продолжал он. – Со дня смерти твоего отца у нас нет руководителя. Я знаю, милая Грейс, что ты хочешь сказать, – возразил он в ответ на ее протестующий жест, – но даже если бы ты и была права, даже если бы я годился на место твоего отца, они все равно не захотели бы меня слушать. Что ж, может быть, оно и к лучшему. Пока мы будем все вместе, при нас останется и главная опасность, опасность, исходящая от нас самих.

Произнося эти последние слова, Филип бросил на нее пристальный взгляд, но она, как видно, не поняла его значения.

– Грейс, – сказал он, набравшись духу, – когда умирающие от голода люди волею судьбы брошены все вместе, нет такого преступления, на которое каждый из них не пошел бы, чтобы спасти свою жизнь; чем меньше надежды на спасение, тем упорнее они цепляются за нее. Ты, верно, сама читала об этом в книгах. Господи Боже! Да что с тобой, Грейс?

Если она и не читала этого в книгах, то прочитала на лице, которое показалось в ту самую минуту в дверном отверстии; в лице этом было так мало человеческого, оно пробуждало столь страшные мысли, что девушке не потребовалось дальнейших разъяснений; это

был знакомый ей человек – Питер Дамфи, но в то же время то был хищный зверь, приготовившийся к прыжку. Застенчивость и женское чутье пересилили у Грейс чувство страха; не признавшись Филипу, чего она испугалась, она спрятала лицо у него на груди и прошептала:

– Я все поняла.

Когда она подняла голову, Дамфи не было.

– Успокойся, Грейс. Я не хочу пугать тебя, но хочу, чтобы ты поняла всю тяжесть нашего положения, пока у нас еще есть силы, чтобы спастись. Путь к спасению – только один; ты знаешь, о чем я говорю; страшный путь, но разве не страшнее оставаться здесь и ждать гибели? Еще раз прошу тебя: доверься мне. Когда я говорил с тобой в последний раз, у меня было гораздо меньше надежды, чем сегодня. С тех пор я разведаль дорогу, я начал ориентироваться в расположении гор. Мы пройдем. Вот все, что я хотел тебе сказать.

– А сестра? А брат?

– Нести с собой малютку нам не по силам, да она и не вынесет тягостей пути. Твой брат должен остаться с ней; его сила и бодрость послужат ей опорой. Нет, Грейс, мы должны идти одни. Пойми, что наше спасение – это и их спасение. Они продержатся здесь, пока мы не вернемся за ними, а вчетвером мы не осилим трудностей пути. Я пошел бы и один, но я не в силах оставить тебя, милая Грейс.

– Если ты оставишь меня, я умру, – сказала она простодушно.

– Я знаю, – ответил он тоже без всякой аффектации.

– Но не лучше ли обождать? Помощь может прийти в любую минуту, даже завтра.

– Завтра мы будем слабее сегодняшнего. Силы наши убывают с каждым днем.

– А старый доктор?

– Он скоро будет там, где уже не нуждаются в помощи, – грустно сказал молодой человек. – Тсс, он просыпается.

Один из закутанных в одеяло мужчин зашевелился. Филип подошел к очагу, подбросил сучьев и разгреб угли. Вспыхнувшее пламя осветило лицо старика; его лихорадочно блестящие глаза были устремлены на Филипа.

– Зачем вы роетесь в очаге? – ворчливо спросил он с легким иностранным акцентом.

– Раздуваю огонь.

– Не троньте его.

Филип, не споря, отошел в сторону.

– Подойдите, – сказал старик.

Филип приблизился к нему.

– Можно не задавать вопросов, – сказал старик, пристально поглядев в глаза молодому человеку. – Ответы написаны у вас на лице. Все та же история. Я знаю ее наизусть.

– Ну и что?

– Ничего, – устало сказал старик.

Филип снова отошел.

– Вы закопали ящик и рукописи?

– Да.

– Надежно?

– Надежно.

– А как вы обозначили место?

– Пирамидой из камней.

– А немецкие и французские объявления?

– Прибил их везде, где мог, по краям старой дороги.

– Отлично.

Когда Филип повернулся, чтобы идти, циническое выражение на его лице словно усилилось. Не дойдя до двери, он остановился, вытащил из-за пазухи увядший цветок с поникшими лепестками и вручил его старику.

– Вот вам второй экземпляр того цветка, что вы разыскивали.

Старик приподнялся на локтях, схватил цветок и принялся разглядывать его, задышав от волнения.

– Да, тот самый цветок, – сказал он с глубоким вздохом облегчения. – А вы... вы говорите, что нет новостей...

– Разрешите узнать, в чем же новость? – спросил Филип с легкой усмешкой.

– Новость в том, что я прав, а Линней, Дарвин и Эшшольц ошиблись. Сделано важнейшее открытие. Так называемая альпийская фиалка совсем не то, чем ее считали до сих пор... Совершенно самостоятельный вид!..

– Важная новость для людей, умирающих с голоду, – с горечью сказал Филип.

– Это еще не все, – продолжал старик, не обращая внимания на скептическое замечание Филипа. – Этот цветок не мог вырасти в полосе вечных снегов. Он зародился в теплой земле, под благодатным дыханием солнца. Если бы вы не сорвали его, он вырос бы и отцвел, как ему повелела природа. Это значит, что через два месяца там, где вы нашли его, да и здесь, где я сейчас лежу, будет расти трава. Мы – ниже уровня вечных снегов.

– Через два месяца! – воскликнула молодая девушка, нервно сжимая руки.

– Через два месяца! – сумрачно повторил молодой человек. – Через два месяца мы будем далеко отсюда или же нас не будет совсем.

– Допускаю, – сказал старик сухо. – Но если вы точно выполнили все, что касается безопасности моих коллекций и рукописей, они не пропадут и в свое время станут достоянием науки.

Эшли отвернулся с жестом нескрываемой досады, а старик бессильно опустил голову. Сделав вид, что он хочет приласкать ребенка, Эшли снова приблизился к Грейс, что-то сказал ей почти неуловимым шепотом и удалился через дверное отверстие. Когда он ушел, старик приподнял голову и позвал слабым голосом:

– Грейс!

– Что, доктор Декардженс?

– Подойди ко мне.

Она поднялась и приблизилась к нему.

– Зачем он подходил к очагу, Грейс? – спросил Декардженс, бросая на девушку подозрительный взгляд.

– Не знаю.

– Ты обо всем ему рассказываешь. Об этом ты тоже ему рассказала?

– Нет, сэр.

Декардженс пристально поглядел на нее, как если бы читал все ее тайные мысли, потом, как видно успокоившись, сказал:

– Пора остудить его в снегу.

Молодая девушка стала разрывать тлеющую золу, пока не обнаружила там камень величиной с куриное яйцо; камень был раскален добела и в полутьме светился. Двумя обгорелыми палочками она с некоторым трудом извлекла его из очага и положила в снег, нанесенный ветром у порога, после чего вернулась к изголовью Декардженса.

– Грейс!

– Да, сэр.

– Ты решила уйти?

Девушка ничего не ответила.

– Не говори – нет. Я подслушал ваш разговор. Допускаю, что это правильное решение. Но не в этом суть. Правильное ли, нет ли, ты уйдешь с ним все равно. Скажи, Грейс, что ты знаешь об этом человеке?

Ни почти что дочерняя любовь к доктору Деварджесу, рожденная многодневным общением, ни сблизившие их страдания, ни нависшая угроза смерти, ничто не приглушило в Грейс инстинктивной независимости женской натуры. Она тотчас оборонила себя щитом и стала слабой рукой парировать удары умирающего противника.

– Все мы знаем, сэр, какой он верный друг. Бескорыстный друг. Сколь многим все мы обязаны его отваге, его выдержке, его уму!

– Вздор! Еще что?

– Не знаю, что сказать... Разве только, что он всегда был предан вам. Я думала, что и вы его любите. Ведь это вы привели его к нам, – добавила девушка не без коварства.

– Да, я повстречал его в Суитуотере. Но я не знаю ни кто он, ни откуда он взялся. Тебе он что-нибудь рассказывал?

– Он бежал от злого отчима. К нему дурно относились в семье. Он отправился на Запад, решил поселиться один, среди индейцев или же попытать счастья в Орегоне. Он очень гордый – вы знаете это, сэр. Он не похож на нас, он джентльмен, как и вы, образованный человек.

– Да, здесь он образованный человек!.. Не отличает лепестка от тычинки! – проворчал Деварджес. – Пусть будет так. Скажи лучше, после того как вы с ним убежите, обещает он на тебе жениться?

На мгновение впалые щеки девушки зарделись румянцем; она растерялась, но тут же вновь овладела собой.

– Не жестоко ли так шутить, сэр, и в такую минуту? – кротко возразила юная лицемерка. – От нашего успеха зависит жизнь моего любимого брата, малютки сестры, жизнь погибающих женщин. Ни у кого, кроме нас двоих, не хватит сил пройти этот путь; без моей помощи ему будет труднее; ведь мне требуется гораздо меньше пищи для поддержания сил, чем ему. Я верю в нашу удачу; мы вернемся немедля, вернемся с подмогой. Нет, сэр, сейчас не время шутить. На карте жизнь наших спутников и ваша – тоже.

– Что до меня, – бесстрастно сказал старик, – я завершил расчеты с жизнью. Когда вы вернетесь, если только вы вернетесь вообще, – меня не будет в живых. – Судорога боли прошла по его лицу. С минуту он не шевелился, как бы набираясь сил. Когда он снова заговорил, голос его звучал слабее и глуше: – Подойди поближе, дитя, я должен тебе еще кое-что сказать.

Грейс колебалась. Разговор вселил в нее какой-то страх перед этим человеком. Она оглянулась на спящего брата.

– Он не проснется, – сказал Деварджес, следя за ней взглядом. – Снотворное еще действует. Принеси мне то, что ты вынула из золы.

Грейс принесла камень; он стал синевато-серым и походил теперь на кусок шлака. Старик взял его в руки, внимательно оглядел и сказал Грейс:

– Теперь потри его об одеяло, и покрепче.

Грейс повиновалась. Поверхность камня чуть заиграла белым блеском.

– Блестит, как серебро, – задумчиво сказала девушка.

– Это слиток серебра, – ответил Деварджес.

Грейс невольно выпустила камень из рук и отступила назад.

– Возьми, – сказал старик, – я отдаю его тебе. Я нашел его год тому назад в ущелье, когда обследовал горную цепь, идущую отсюда на запад. Там много серебра, целая сокровищница, ты слышишь меня, Грейс? Жила проходит в синеватой породе; помнишь, как выглядел камень, когда мы вчера его клали в огонь? Я опишу тебе это место, расскажу, как

его найти. Я передаю тебе свое право на серебро – право первооткрывателя. Возьми его; владей моим богатством.

– Нет, нет! – поспешно возразила девушка. – Оставьте его себе. Вы будете жить, оно вам еще пригодится.

– Нет, Грейс. Я не взял бы его даже если б мне суждено было остаться в живых. Я был богат, очень богат, и богатство не принесло мне счастья. Эти залежи серебра мне ни к чему. Сорная трава, которая растет рядом с ним, кажется мне теперь большим сокровищем. Прими мой подарок. В мире, в котором мы живем, богатство дает почет, положение в обществе. Прими мой подарок. Ты станешь такой же независимой и гордой, как твой возлюбленный. Ты будешь вечно прекрасной в его глазах, ибо твоя красота будет оправлена в серебряную раму и твоя добродетель получит серебряный пьедестал. Прими мой подарок: он – твой.

– Но у вас же есть родные, друзья, – возразила девушка, отступая прочь от светящегося камня в почти суеверном ужасе. – Есть другие, имеющие больше прав...

– Никто не имеет больше прав, чем ты, – торопливо прервал ее старик, переводя слабеющее дыхание. – Считай это наградой, если хочешь. Или взяткой твоему возлюбленному, чтобы он выполнил, что обещал, и спас мои коллекции и рукописи. Если хочешь, считай это искупительной жертвой; быть может, я знал когда-то другую молодую девушку, которой такой подарок спас бы жизнь. Словом, думай что хочешь, но прими мой дар.

Последние слова он произнес шепотом. Сероватая бледность разлилась по его лицу, дыхание стало прерывистым. Грейс хотела разбудить брата, но Деварджес коснеющей рукой воспретил ей это. Собрав силы, он приподнялся на локте, вытащил из кармана конверт и вложил ей в руку.

– Вот здесь... план местности, описание руды... все – твое... скажи, что ты согласна... скорее, Грейс, скорее...

Он сник. Грейс нагнулась, чтобы приподнять ему голову, но в этот момент кто-то заслонил собою дверное отверстие. Быстро оглянувшись, она снова увидела лицо Дамфи.

На этот раз она не вскрикнула, но, словно разом набравшись решимости, повернулась к Деварджесу и сказала:

– Я согласна.

Она снова оглянулась, с вызовом в глазах; Дамфи исчез.

– Спасибо, – сказал старик.

Губы его продолжали шевелиться, но слов нельзя было разобрать. Глаза словно подернулись пленкой.

– Доктор Деварджес! – позвала Грейс шепотом.

Старик не отвечал. «Он умирает», – мелькнуло в голове у девушки, и внезапный, неведомый доселе страх овладел ею. Живо поднявшись, она бросилась к брату и попыталась разбудить его. Он только застонал во сне. В отчаянии она огляделась вокруг, потом подбежала к дверному отверстию:

– Филип!

Никакого ответа. Через длинный узкий ход она выбралась наружу. Уже стемнело, и в нескольких футах от хижины ничего не было видно. Она торопливо оглянулась назад, а потом, как видно совсем потерявши голову, ринулась во тьму. В ту же минуту две фигуры вышли из тени и скользнули в хижину. Это были миссис Брэккет и мистер Дамфи.

Их можно было принять за двух крадущихся хищных зверей – так осторожны, дерзки и в то же время опасливы были их движения. То они передвигались на ногах, то припадали на четвереньки. Они метались по хижине, сталкивались в полутьме, награждали друг друга тумакami и плевками, шныряли по углам, рылись в гаснущих углях, в остывшей золе, перебрасывали одеяла и бизоньи шкуры, оглядывали и обнюхивали все, что попадало им под руку. Признав свое поражение, они злобно воззрились один на другого.

– Сожрали, будь они прокляты! – хрипло прошептала миссис Брэкет.

– Не похоже было на съестное, – возразил Дамфи.

– Ты же сам видел, как девчонка вынула эту штуку из огня?

– Да.

– И потеряла об одеяло?

– Да.

– Болван! И ты не разглядел, что у нее в руках?

– А что?

– Печеная картошка!

Дамфи был ошеломлен.

– А зачем ей было тереть печеную картошку об одеяло? Ведь сойдет хрустящая кожа! – спросил он.

– Господа не привыкли жрать в кожуре, – с проклятием ответила миссис Брэкет.

Дамфи все еще был под впечатлением сделанного открытия.

– Он сказал ей, что знает место, где есть еще, – прошептал он с жадностью.

– Где?

– Я не расслышал.

– Болван! Ты должен был ухватить его за плотку, вытряхнуть из него душу, – прошипела миссис Брэкет в бессильной ярости. – В блохе и в той больше отваги. Дай мне только добраться до девчонки. Тсс! Это что?

– Он шевелится, – сказал Дамфи.

В то же мгновение оба вновь превратились в застигнутых врасплох зверей, озабоченных только тем, чтобы унести поскорее ноги. Они боялись встать с места. Старик повернулся на бок и что-то прошептал в забытии. Потом позвал:

– Грейс!

Показавши своему спутнику знаком, чтобы он молчал, женщина склонилась к старику:

– Это я, родной.

– Скажи ему, чтобы ничего не забыл. Пусть помнит свое обещание. Пусть скажет тебе, где яма.

– Где, родной?

– Он скажет тебе. Он знает.

– Я слушаю, родной.

– При входе в Моньюмент каньон. В ста футах севернее одиноко стоящей сосны. На глубине в два фута под пирамидой из камней.

– Да.

– Волки почуют.

– Да.

– Камни – защита от хищных зверей.

– Да, конечно.

– От когтей и клыков...

– Да.

– От голодных зверей.

– Да, родной.

Блуждающий взор старика вдруг погас, как задутая свеча. Нижняя челюсть отвисла. Он умер. А над его мертвым телом сидели скорчившись мужчина и женщина, испуганные, но ликующие. На их лицах играла улыбка, первая улыбка с того рокового дня, когда они вступили в каньон.

3. Гэбриель

Наутро обнаружилось, что в лагере не стало пяти человек. Доктор Деварджес умер. Филип Эшли, Грейс Конрой, Питер Дамфи и миссис Брэккет бесследно исчезли.

Смерть старика едва ли кого взволновала или опечалила, но бегство четверых вызвало у оставшихся приступ бессильной ярости. Беглецы, как видно, разведали путь к спасению и ушли, никому ничего не сказав. Буря негодования нарастала: имущество беглецов было тотчас конфисковано, а жизнь объявлена вне закона. Были предприняты некоторые шаги – общим числом не более двадцати, – чтобы преследовать изменников.

Только один человек знал, что Грейс ушла с Филипом, – это был Гэбриель Конрой. Когда он проснулся на рассвете, то нашел клочок бумаги, припиленный к одеялу; на нем было написано карандашом:

«Боже, благослови дорогого брата и сестренку и сохрани им жизнь, пока мы с Филипом не придем назад».

Рядом лежало немного еды; как видно, Грейс собирала прощальный подарок, экономя его из своего скудного рациона. Гэбриель немедленно присоединил эти крохи к своему запасу.

Потом он принялся нянчить сестренку. При своей природной жизнерадостности Гэбриель был еще наделен особым умением развлекать детей, скорее даже не умением, а талантом. Этот молодой человек имел все данные, чтобы стать первоклассной нянькой или сиделкой. Физическая сила сочеталась в нем с нежностью, густой рокочущий голос рождал доверие, руки были умелыми и твердыми, к широкой груди невольно хотелось припасть. Так уж повелось с самого начала их изнурительного похода, что матери поручали его заботам своих детей, старухи умирали у него на руках, и каждый, кто в чем-либо нуждался, шел к нему за помощью. Никому не приходило в голову благодарить Гэбриеля, да и сам он не ждал ни от кого благодарности. Даже не помышляя, что творит добро, он не придавал своим поступкам ни малейшего значения. Как это и бывает в подобных случаях, остальные думали, что ему виднее, и ценили его доброту не больше, чем он сам. Мало того, принимая услуги Гэбриеля, они взирали на него при этом с некоторым снисходительным сожалением.

– Олли, – сказал он, слегка подбрасывая сестренку на руках, – что ты скажешь, если я подарю тебе хорошую куколку?

Олли широко раскрыла свои голодные глазенки и кивнула, выражая полное согласие и удовольствие.

– Красивую куколку с мамой, – продолжал Гэбриель. – Мама будет нянчить куколку, как настоящего ребеночка, а ты будешь ей помогать. Хочешь?

Предложение нянчить куколку вдвоем, видимо, заинтересовало Олли. Это была новинка.

– Тогда братец Гэйб тебе ее достанет. А Грейси куда-нибудь уйдет от нас; иначе не будет места для мамы с куколкой.

Олли сперва запротестовала, но потом, любопытная, как все женщины, даже когда они умирают с голоду, захотела поглядеть на новую куклу. Из благоразумия она все же спросила:

– А кукла не голодная?

– Эта кукла никогда не бывает голодной, – заверил ее Гэбриель.

– Вот как! – откликнулась довольная Олли.

Тотчас же наш хитрец разыскал несчастную миссис Дамфи.

– Вы совсем извелись со своей малюткой, – сказал он, погладив сверток у нее на руках и потрепав за щечку воображаемого младенца. – По-моему, детям лучше, когда они вме-

сте. Боже мой, как похудела ваша крошка. Надо что-нибудь придумать. Пойдемте-ка с ней к Олли; девочка вам немного подсобит. Побудьте у нас до завтра.

Завтрашний день был для миссис Дамфи пределом, за который не переступало ее воображение.

Пока что вместе со своим свертком она перебралась в хижину Гэбриеля, и Олли получила требуемое развлечение. Возможно, что человек более утонченный и наделенный более ярким воображением не решился бы на столь трагическую инсценировку; Гэбриель же был доволен, что разрешил стоявшие перед ним трудности. Олли не спрашивала, куда ушла Грейс, и была вместе с миссис Дамфи занята делом. Сменяя одна другую, они нянчили свернутое одеяло. Девочка, готовя себя для Будущего, забыла о Настоящем; несчастная мать погружалась в воспоминания о Прошлом. Не думаю, чтобы кто-либо еще сумел без содрогания наблюдать, как Олли и миссис Дамфи урывали крохи от своей еды для несуществующего ребенка, но Гэбриель, как я уже сказал, был режиссером этого представления, а чтобы оценить зрелище по достоинству, нужно находиться в зрительном зале.

В полдень скончался истерический юноша, двоюродный брат Гэбриеля. Гэбриель навестил соседей, чтобы подбодрить их. Ему отчасти удалось это; во всяком случае, он вдохновил их златоуста на новые увлекательные рассказы. В четыре часа дня, когда Гэбриель отправился к себе, мертвое тело все еще оставалось непогребенным.

Темнело. Втроем они коротали время у очага, когда с миссис Дамфи вдруг что-то произошло. Она выронила сверток, руки ее бессильно упали, взгляд остановился. Гэбриель окликнул ее, потом потряс за плечо, но женщина не слышала его призыва. Олли зарыдала.

Плач девочки пробудил миссис Дамфи. По-прежнему не двигаясь, она заговорила, но каким-то странным, не своим голосом.

– Слышите? – Гэбриель сделал знак Олли, и та замолкла. – Они едут!

– Кто? – спросил Гэбриель.

– Спасатели.

– Где же они?

– Далеко, очень далеко. Только еще выезжают. Я вижу их: двенадцать мужчин на лошадях, навьюченных припасами. Их ведет американец; остальные все иностранцы. Они едут к нам, но они еще далеко. Ох, как далеко!

Гэбриель сидел, устремив взгляд на женщину, ни словом не прерывая ее. Она замолкла; можно было подумать, что она умерла. Потом заговорила снова:

– Солнце светит, птицы поют, трава зеленеет на дороге. Но они еще далеко. Ох, как далеко!

– Знаете вы кого-нибудь из них? – спросил Гэбриель.

– Нет.

– А они знают нас?

– Нет.

– Почему же они едут сюда и откуда известно им, что мы здесь?

– Тот, кто ведет их, видел нас.

– Видел?

– Да, во сне.

Гэбриель присвистнул и поглядел на сверток с воображаемым младенцем. В речах безумной женщины могло быть нечто сверхъестественное или провидческое, – это Гэбриель допускал, но чтобы неведомый ему мужчина, не страдающий к тому же от голодного бреда, тоже оказался провидцем – это уж слишком! Все же, собрав весь свой оптимизм и природное добродушие, он спросил:

– Каким путем они поедут?

– Сперва по цветущей долине, потом берегом сияющей на солнце реки. Они перевалят через горы и вступят в другую долину, которая обрывается круто вниз к бурному потоку. Вот он рядом, бежит по камням. Взгляните на эту долину! Вон там, за снежным пиком! Вся в цветущей зелени! В каплях дождя! Ну поглядите же! Вон там!

Она указала пальцем на север, где лежали грозные снега.

– А сами вы не можете отправиться туда? – спросил практически мыслящий Гэбриель.

– Нет.

– Почему?

– Я должна обождать свою малютку. Она придет за мной сюда. Она будет искать меня.

– Когда она придет?

– Завтра.

Это столь полюбившееся ей слово она вымолвила в последний раз. Ее малютка пришла за ней вскоре после полуночи, пришла озаренная светом, которого не заметил Гэбриель. Отблеск его вспыхнул в гаснущих глазах несчастной безумной матери, когда она, привстав, простерла исхудалые руки навстречу своему дитяти – и упала мертвой.

Взяв с пола свернутое одеяло, Гэбриель положил его на грудь покойнице. Потом побегал в соседнюю хижину.

По причине, оставшейся нам неизвестной, он только лишь заглянул в хижину, а внутрь не вошел. Он никогда никому не рассказывал, что он там увидел; назад он шел шатаясь, белый как мел, с остановившимися от ужаса глазами. Одна только мысль владела им – бежать, бежать прочь от проклятого места. Он нырнул в свою хижину, схватил в охапку перепуганную, плачущую Олли и с отчаянным воплем: «Боже, спаси нас!» – пропал во тьме.

4. Природа указывает путь

К северу от каньона лежал крутой водораздел, похожий на могильник. Два путника медленно карабкались по его запавшему белому склону. К концу дня они перевалили через гребень и сделали остановку; два черных силуэта обрисовались на фоне закатного неба. То были Филип и Грейс.

Как ни была Грейс изнурена голодом и путешествием, личико ее, порозовевшее сейчас в лучах заходящего солнца, светилось прелестью. Дурно сидевшее мужское платье преобразило ее в мальчика, но не могло полностью скрыть очарование ее фигуры. Филипу отчетливо были видны длинные ресницы, осенявшие темные глаза девушки, и безукоризненный овал ее лица; он мог даже разглядеть пару-другую веснушек на ее чуть вздернутой верхней губе. Отчасти, чтобы прийти на помощь Грейс, отчасти, чтобы проявить нежность, он обнял ее за талию. Потом поцеловал ее. Возможно, что поцелуй был чисто машинальным. Тем не менее Грейс, с характерной для женской природы практичностью, немедленно задала ему вопрос, который задавала уже не раз:

– Ты любишь меня, Филип?

И Филип, с готовностью, которую в этих случаях проявляют мужчины, ответил, как отвечал и ранее:

– Люблю.

Молодой человек изнемогал от голода и тревоги. Они шли уже четыре дня. На второй день путешествия они отыскивали под снегом несколько сосновых шишек с нетронутыми семечками; потом ограбили дупло, где белка хранила свои запасы. На третий день Филип словил и самое хозяйку дупла; они пообедали ею. К вечеру в тот же день Филип увидел утку, летевшую вверх по ущелью. Он не сомневался, что утка держит путь к какому-нибудь горному водоему, а потому, прежде чем сбить ее, тщательно приметил направление ее полета. Они повернули, куда летела утка; а наутро съели свою путеводительницу.

Сейчас Филип снова терялся в догадках. Взобравшись с таким трудом на острый гребень водораздела, они не увидели ничего, кроме бесчисленных белых валов, неумолимо простирившихся до самого горизонта. Ничто не говорило о близости реки или озера. Откуда же взялась эта птица, куда направляла свой полет? Филип уже стал мучительно думать, не сменить ли им направление пути, когда неожиданное происшествие освободило его от необходимости самостоятельно решать этот вопрос.

Пытаясь проникнуть взором за пределы снежной равнины, Грейс подошла к самому краю утеса и вдруг почувствовала, что камень под нею колыхнется. Рванувшись вперед, Филип успел обнять ее за плечи: но в ту же минуту массивный карниз рухнул в пропасть; девушка повисла на руке Филипа. От сотрясения сдвинулась с места и гранитная плита, на которой стоял сам Филип. Не успел он сделать даже шага, как плита дрогнула и заскользила вниз, увлекая за собой их обоих. По счастью, эта огромная лавина из камня и льда обогнала их в падении и основательно пропахала крутой склон горы, круша торчащие утесы и оставляя после себя ровную, хоть и почти что отвесную дорогу.

Падая, Филип даже не пытался уцепиться за край рушащейся скалы; это вызвало бы камнепад, который погубил бы их наверняка. Пока он еще управлял собою, он спрятал лицо Грейс на своей груди и обнял ее что было сил; так он знал, что, даже теряя сознание, будет охранять ее в падении по проложенному лавиной пути. В полузабытии он чувствовал, как свет в его глазах сменяется тьмой, слышал треск ломающихся сучьев, ощущал уколы хвои на руках и на лице. Потом падение словно приостановилось, мир завертелся кругом него, голова его невольно приняла участие в этом кружении, и тогда – только тогда – он вкусил полный покой забвения.

Когда Филип пришел в себя, в горле у него жгло; он задыхался. Открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним Грейс, бледную, встревоженную; она растирала ему снегом виски и руки. По ее круглой щечке струйкой стекала кровь.

– Ты ранена, Грейс? – спросил Филип, с трудом ворочая языком.

– Нет, мой милый, храбрый Филип. Я так счастлива, что ты жив.

Сказав это, она страшно побледнела и прислонилась к дереву. Даже верхняя губка ее, обласканная лучами солнца, стала белой как мел.

Но Филип не видел ее. В изумлении он озирался по сторонам. Он лежал посреди камней и поломанных сосновых веток. Он слышал шум бегущей воды; в ста футах от него текла река. Филип взглянул вверх, откуда струился багряный свет заходящего солнца. Покалеченные сосны поддерживали на своих ветвистых лапах пробитую камнем снежную кровлю. Красные лучи играли и на поверхности потока, проникая через случайные отверстия в этом удивительном своде, закрывшем реку от солнца.

Теперь он понял, куда утка направляла свой полет! Понял, почему они с Грейс так и не увидели реку! Понял, куда подевались птицы и звери и почему снежная пустыня не сохранила их следов! Сомнения не было, они с Грейс вышли на дорогу!

С криком восторга он вскочил на ноги.

– Грейс, мы спасены.

Грейс ответила ему радостным взглядом, но радость ее относилась главным образом к тому, что он жив и здоров.

– Как ты не понимаешь, Грейс, ведь – это дорога, проложенная самой природой. Не тот путь, что мы с тобой искали, но вполне надежный путь; река приведет нас в долину.

– Да, я знаю, – сказала Грейс.

Филип удивленно поглядел на нее.

– Я видела долину сверху, когда тащила тебя прочь от камнепада. Вон с того места.

Она указала на скалу, торчащую над проломом в снежной кровле. На скале примостился свалившийся сверху огромный камень.

– Ты тащила меня, дитя?

Легкая улыбка засветилась на лице девушки.

– Ты не представляешь, какая я сильная, – сказала она и подтвердила свои слова, упав в глубокий обморок.

Филип кинулся к ней. Потом стал нащупывать на боку фляжку, которую свято хранил в течение всех своих бедствий; фляжки не было. Он огляделся; фляжка валялась на снегу, пустая.

Впервые отчаяние исторгло стон у Филипа. При звуке его голоса Грейс открыла свои кроткие глаза. Она увидела, что ее возлюбленный стоит, глядя на порожнюю фляжку, и улыбнулась.

– Я вылила все тебе в рот, милый, – сказала она. – Ты был так бледен, я боялась, что ты умираешь. Прости, милый.

– Я был оглушен – и только, но что с тобой, Грейс?

– Мне уже лучше, – ответила она и попыталась встать, но тут же, негромко вскрикнув, снова упала на землю.

Филипа уже не было рядом с ней. Он взбирался вверх на скалу, по пути, который она ему указала. Когда он вернулся, лицо его сияло.

– Я видел долину, Грейс. До нее – две-три мили, не больше. Мы дойдем засветло и там заночуем.

– Боюсь... что мы не дойдем, – грустно сказала Грейс.

– Почему же не дойдем? – спросил нетерпеливо Филип.

– Потому что... у меня... сломана нога.

– Грейс!

Она снова лежала без чувств.

5. Из лесу – в сумрак

По счастью, Грейс ошибалась. У нее не была сломана нога, а всего лишь сильно растянута связка; тем не менее от боли она не могла стоять. Филип снял с себя рубашку, порвал на бинты и, намочив их в ледяной воде, перевязал девушке распухшую щиколотку. Он подстрелил перепелку, потом еще одну утку, расчистил место для ночлега, развел костер и угостил Грейс вкусным горячим ужином. Голодная смерть больше не грозила им, опасности остались позади; самое худшее, что могло их ждать, это – несколько дней вынужденного промедления.

За последние два-три часа заметно потеплело. В полночь порыв сырого ветра зашевелил сосны у них над головой; что-то глухо застучало по снежной кровле. Шел дождь.

«Весна отправилась в поход!» – прошептал Филип.

Но Грейс было не до стихов, даже из уст любимого человека. Она уронила голову ему на плечо и сказала:

– Ты должен идти один, милый. Оставь меня здесь.

– Грейс!

– Да, Филип. Я дожусь тебя здесь. Я ничего не боюсь. Мне здесь настолько лучше, чем... им.

Почувствовав на руке слезы, Филип поморщился. Быть может, совесть у него была не совсем спокойна, быть может, он услышал укор в тоне девушки, быть может, вспомнил, что она говорит ему об этом уже не в первый раз. Молодой человек решил, что пора прибегнуть к тому оружию, которое он любил именовать «здравым смыслом». Оценивая свои душевные качества, Филип всегда считал себя пылкой, импульсивной натурой, человеком великодушным до безрассудства, которого хранит от полной гибели лишь способность к здравому суждению.

С минуту он молчал, собираясь с мыслями. Разве не верно, что, рискуя собственной жизнью, он вырвал эту девушку из объятий смерти? Разве не заботился он о ней в течение их опасного путешествия, принимая на себя все тяжести пути! А какое счастье он дал ей, полюбив ее! Разве сама она не признавалась ему в этом? Как беспомощна сейчас эта девушка, и с какой готовностью он медлит здесь ради нее. Наконец, разве не ждет ее с ним пока еще, правда, туманное, но, конечно же, блистательное будущее? А она сейчас, когда спасение уже совсем близко, хнычет о двух умирающих людях, которым все равно – разве что случится чудо! – суждено умереть раньше, чем она к ним вернется. Филип немало гордился своей способностью к самоанализу; когда он расходился с кем-нибудь во мнениях, то всегда считал долгом поставить себя на место своего противника (нечего говорить, что он оказывался в этом случае довольно сговорчивым противником!). Сейчас он ставил себя на место Грейс и ясно видел, что всякая другая ради такой любви и ради такого будущего забыла бы обо всем на свете. То, что девушка продолжает упорствовать, говорит либо о ее нравственной отсталости, либо о каких-то других природных недостатках.

Строить такого рода отвлеченные схемы очень легко, в особенности если оградить себя от всяких возражений. Подобное случается не только в горах Сьерры и не только с людьми, страдающими от физического истощения.

Помолчав, Филип сказал довольно сухо:

– Давай объяснимся, Грейс, и постараемся получше понять друг друга, прежде чем мы двинемся дальше или же повернем обратно. Минуло пять суток с тех пор, как мы покинули снеговую хижину. Если бы даже мы точно знали дорогу назад, то все равно не смогли бы попасть туда раньше, чем еще через пять суток. К тому времени там все решится. Если помощь еще не пришла, можно считать, что они погибли безвозвратно. Мои слова могут

показаться тебе жестокими, Грейс, но они не более жестоки, чем сама жизнь. Если бы мы остались там, то наверняка не сумели бы ничем им помочь; разве только разделили бы их участь. Я разделил бы судьбу твоего брата; ты – твоей сестры. То, что мы остались живы, – наше счастье, никак не наша вина. Как видно, нам суждено было спастись. Все могло повернуться и по-иному; мы погибли бы в пути; их спасли бы люди, случайно пришедшие в каньон. И они тоже тогда решительно ничем не смогли бы нам помочь.

Логические выкладки Филипа не производили на Грейс никакого впечатления: бедняжка думала лишь о том, что скажи он ей это раньше, она ни за что не покинула бы своих родных. Полагаю, что читатели-мужчины легко поймут, сколь крепкой была позиция Филипа и сколь бессильна была Грейс поколебать ее.

Она испуганно глядела на своего спутника. Быть может, слезы туманили ее взор, но ей казалось, что речи Филипа отодвинули его куда-то далеко-далеко. Она почувствовала себя покинутой. Ей хотелось броситься к нему в объятия, как прежде, но ее сковывало чувство стыда, неведомое ранее.

Филип заметил ее замешательство и, как видно, почуял неладное. Он отодвинулся.

– Не будем решать, как спасти других, пока не спаслись сами, – сказал он с горечью. – Пройдет несколько дней, пока ты сможешь ходить, а ведь мы еще даже не знаем толком, где мы находимся. Сейчас тебе лучше всего уснуть, – добавил он помягче. – А утром подумаем, что делать дальше.

Грейс уснула в слезах. Ах, бедная Грейс! Не такого объяснения она ждала, когда мечтала откровенно поговорить с Филипом о себе, об их будущем. Она хотела рассказать о тайне доктора Деварджеса; поведать Филипу все, все до последнего слова, даже те сомнения, которые Деварджес высказывал на его счет. В ответ Филип поделился бы с ней своими планами. Вместе они вернулись бы в лагерь со спасательной партией. Все признали бы Филипа героем. Гэбриель с радостью отдал бы за него сестру, и все были бы так счастливы! А сейчас те, кого они покинули в лагере, наверно, умерли, проклиная ее и Филипа... А Филип?... Он даже не поцеловал ее, не пожелал ей «доброй ночи». Вот он сидит угрюмый, прислонившись к дереву.

Мутный свинцовый рассвет с трудом пробился через снежную кровлю. Лил дождь, вода в реке поднялась и все продолжала прибывать. Мимо неслись заснеженные льдины, поломанные сучья, смытый с гор лесной мусор. Порой проплывало дерево, вырванное с корнями; длинные разветвленные корни торчали вверх, как мачты корабля. Вдруг Филип, сидевший с поникшей головой, вскочил, что-то громко крича. Грейс подняла усталый взор.

Он указывал пальцем на плывущее дерево, которое ударилось о берег и, закрутившись, стало рядом с ними, как у причала.

– Грейс! – сказал Филип, загораясь прежним энтузиазмом. – Природа снова протягивает нам руку помощи. Если мы спасемся, то только по ее милости. Сперва она привела нас к реке, теперь прислала за нами корабль. Собирайся!

Девушка не успела еще ответить, как Филип весело схватил ее в охапку, перенес на приставшее к берегу дерево и усадил между двух корневищ. Рядом он положил ружье и мешок с припасами, а потом, подобрав длинный сук, прыгнул сам на корму импровизированного корабля и оттолкнулся от берега. С минуту дерево помедлило, потом течение подхватило его, и оно устремилось вниз по реке, как живое.

Вначале, пока бурлящий поток мчался меж близко сошедшихся берегов, лишь огромным напряжением сил Филипу удавалось держать свой корабль на середине течения. Грейс сидела, затаив дыхание, и любовалась кипучей энергией своего возлюбленного. Немного погодя Филип закричал:

– Взгляни-ка на это бревно! Здесь должен быть поселок.

Рядом с ними плыло свежееотесанное сосновое бревно. Луч надежды перебил грустные мысли Грейс. Если здесь так близко живут люди, быть может, те, в лагере, уже спасены. Она не доверила своих мыслей Филипу, а он, занятый делом, больше ни разу к ней не обращался.

Девушка радостно встрепенулась, когда Филип обернулся наконец и, балансируя при помощи своего шеста, стал пробираться к ней по шаткому кораблю. Подойдя, он сел рядом и, впервые со вчерашнего вечера взявши ее руку, ласково сказал:

– Грейс, дитя мое, я должен с тобою поговорить.

Грейс возликовала; сердечко ее заколотилось; в первый момент она даже не в силах была поднять свои густые ресницы, чтобы взглянуть ему в лицо. Не замечая ее волнения, Филип продолжал:

– Пройдет еще несколько часов, и мы с тобой покинем пустыню и снова вступим в цивилизованный мир. Мы приедем в поселок, там нас встретят мужчины, быть может, и женщины. Все это будут чужие люди; не родные, которые знают тебя с детства, не друзья, с которыми ты провела долгие недели, совместно деля страдания; нет, посторонние, чужие люди.

Грейс поглядела на него, но ничего не сказала.

– Ты сама понимаешь, Грейс, что, не зная нас с тобой, они могут вообразить все, что угодно. Ты – молодая девушка, я – молодой человек; и мы – вдвоем. Твоя красота, милая Грейс, послужит поводом для ложных предположений; все их охотно примут за истину; а то, что было с нами на самом деле, сочтут неправдой. И потому нам лучше обо всем молчать. Я поеду со спасательной партией один, тебя же оставлю здесь, в надежных руках, до своего возвращения. Но ты не будешь Грейс Конрой, ты примешь мою фамилию.

Горячий румянец залил щеки Грейс: приоткрыв губы, она с замиранием сердца ждала, что он скажет дальше.

– Я выдам тебя за свою сестру. Ты будешь Грейс Эшли.

Девушка побледнела, опустила ресницы, закрыла лицо руками. Филип терпеливо ждал ответа. Когда Грейс опустила руки, лицо ее было спокойным, даже бесстрастным. Верхняя губка горделиво поднялась, на щеках снова заиграл румянец.

– Ты совершенно прав.

В ту же минуту над их головой засияло солнце, неся с собой свет и тепло. Их корабль, миновав крутую излучину, выбрался на простор, и они поплыли по широкому водному полю меж отлогих зеленых берегов, залитых полуденным солнцем. Впереди, за ивовой рощицей, меньше чем в миле от них, виднелась дощатая хижина; дымок из трубы медленно таял в недвижном воздухе.

6. Следы

Вот уже две недели солнце, свершив каждодневный путь в безоблачном небе, уходило за недвижную гряду Моньюмент Пойнта. Но ни разу за все четырнадцать дней ничто не нарушало призрачной белизны занесенных снегом утесов, и белые валы, как бы пораженные насмерть в своем стремительном беге, по-прежнему господствовали на всем необозримом пространстве. Было первое апреля, ветерок нес с собою дыхание ранней весны, а во всей угрюмой пустыне не было ник-ого, кто мог бы ему порадоваться.

И все же, пристально взглядевшись, можно было заметить некоторые скрытые от глаз перемены. Белый бок горы словно запал еще глубже; кое-где снег осел и наружу вылезли серые утесы; сугробы стояли по-прежнему, но они утратили былую округлость; кое-где ледяные глыбы сползли вниз по склону, обнажив сверкающий на солнце гранит. Кости скелета начинали проглядывать сквозь истлевающую плоть. Это была последняя гримаса гиппократовой маски, которую напяливала на себя Природа. Перемены, впрочем, были безмолвными, тишина оставалась нерушимой.

Но вот долину смерти огласил звон шпор и человеческие голоса. По ущелью, преодолевая сугробы и ледяные барьеры, двигались вереницей всадники и навьюченные мулы. Громкий стук подков и людская речь пробудили в горах долго дремавшее эхо, сбили с утесов и с деревьев облачки снежной пыли, а под конец вызвали из какой-то ледяной пещеры существо столь дикого вида, худое, взъерошенное, нелепое, что принять его за человека было никак нельзя. Это существо сперва ползло по снегу, хоронясь за встречными скалами, как перепуганный зверь; потом залегло за деревом, как видно поджидая приближающуюся кавалькаду.

Впереди ехали два всадника. Один был сумрачен, молчалив, погружен в свои думы. Второй – живого характера, беспокоен, речист. Прервал молчание первый; слова его падали медленно, словно он говорил не о том, что видел вокруг, а о чем-то ином, запечатлевшемся в его памяти.

– Уже близко. Я видел их где-то здесь. Знакомые места.

– Дай-то бог, чтобы вы были правы, – живо подхватил второй. – Если мы и сегодня не покажем людям хоть что-нибудь толковое, они попросту удерут с этой призрачной охоты. Увы, это так!

– Где-то здесь я видел мужчину и женщину, – продолжал первый, как будто не слыша ответа спутника. – Сейчас мы подъедем к сложенной из камней пирамиде. Если нет, считайте, что мое сновидение – мираж, а сам я – старый болван.

– Предъявите нам хоть что-нибудь, – сказал второй, рассмеявшись, – клочок бумаги, старое одеяло, поломанное дышло. Колумб долгое время держался на одном-единственном обрывке водоросли. Но что это они там разыскали? Господи Боже! Да ведь за скалой что-то движется!

Словно повинуюсь неведомому зову, всадники сбились в кучу; даже те из них, что громче всех роптали и еще минуту назад называли экспедицию пустой затеей и блажью, сейчас замерли от волнения. Поджидавший их за деревом неведомый зверь вышел из убежища и, обнаружив свое людское обличье, хрипло крича и нелепо жестикулируя, направился прямо к ним.

Это был Дамфи.

Первым пришел в себя руководитель экспедиции. Пришпорив коня, он подскочил к Дамфи.

– Кто вы такой?

– Человек.

– Что с вами?

– Умираю с голоду.

– А где другие?

Дамфи окинул всадника подозрительным взглядом и спросил:

– О чем это вы толкуете?

– Где остальные? Вы что, один?

– Да, один.

– Как вы сюда попали?

– Вам что за дело? Я умираю с голоду. Дайте мне поесть и попить.

Дамфи изнемог и опустился на четвереньки.

Среди подъехавших всадников слышались сочувственные возгласы.

– Да накормите вы его! Разве не видите, он не то что говорить, – стоять не может. Где же доктор?

Младший из руководителей экспедиции прекратил споры.

– Оставьте его, я займусь им сам. Пока моя помощь нужнее ему, чем ваша.

Он наклонился к Дамфи и влил ему в рот немного коньяку. Дамфи закашлялся, потом поднялся на ноги.

– Так как же вас зовут? – ласково спросил молодой врач.

– Джексон, – ответил Дамфи, смерив его наглым взглядом.

– Откуда вы?

– Из Миссури.

– Как вы сюда попали?

– Отстал от партии.

– А они?

– Ушли вперед. Дайте мне поесть.

– Заберите его в лагерь и там поручите Санчесу. Он знает, что делать, – приказал доктор, обращаясь к одному из всадников. – Итак, Блент, – обратился он к своему товарищу, – ваша репутация спасена. Должен заметить, впрочем, что из обещанных вами девяти экземпляров мы имеем пока что лишь один. К тому же весьма низкого качества, – добавил он, провожая взглядом удалявшегося Дамфи.

– Я буду счастлив, доктор, если дело этим и ограничится, – сказал Блент. – Готов вернуться хоть сейчас. Но внутренний голос твердит мне, что надо ехать дальше. Этот человек пробуждает самые страшные опасения... Что там еще?

Подъехал всадник, держа в руках лист бумаги, оборванный по углам, словно он был прибит гвоздями, а потом сорван.

– Объявление... На дереве... Не могу прочитать, – сказал недавний *вакеро*¹.

– Да и мне не прочесть, – сказал Блент, поглядев на объявление. – Кажется, написано по-немецки. Позовите Глора.

Подъехал долговязый швейцарец. Блент передал ему объявление. Тот внимательно прочитал его.

– Здесь указано, где искать закопанное в земле имущество. Ценное имущество.

– Где же?

– Под пирамидой из камней.

Доктор и Блент обменялись взглядом.

– Веди нас! – сказал Блент.

Они ехали молча около часа. Когда, по прошествии этого времени, всадники достигли уступа, за которым каньон круто поворачивал в сторону, Блент громко вскрикнул.

¹ пастух (исп.)

Впереди лежала куча камней; ранее, как видно, они были уложены в определенном порядке, но кто-то их раскидал. Снег и земля кругом были изрыты. На снегу валялись рукописи, раскрытый портфель с зарисовками птиц и цветов, застекленный ящик с коллекцией насекомых – стекло было разбито – и растерзанные чучела птиц. Невдалеке виднелась какая-то груда лохмотьев. Подъехав к ней поближе, один из всадников, что-то воскликнув, соскочил с коня.

Это был труп миссис Брэкет.

7. Следы теряются

Женщина умерла с неделю назад. Она была неузнаваема, черты лица искажены, руки и ноги сведены судорогой. Молодой врач, склонившись, тщательно осмотрел труп.

– Умерла от голода? – спросил Блент.

Доктор ответил не сразу. Он взялся за чучела птиц; одно из них понюхал и даже слегка лизнул. Помолчав, он сказал:

– Нет. Отравлена.

Люди, склонившиеся над мертвым телом, разом отпрянули.

– По-видимому, несчастный случай, – бесстрастно продолжал врач. – Изголодавшаяся женщина набросилась на эти чучела. А они были опрысканы крепким раствором мышьяка, чтобы защитить их от насекомых. Женщина пала жертвой заботливости ученого.

Среди всадников прошел ропот негодования и ужаса.

– Выходит, эти чертовы птицы были ему дороже людей, – заявил разъяренный швейцарец.

– Отравил женщину, чтобы спасти дичь, – добавил другой.

Доктор улыбнулся. Деварджесу было бы рискованно встретиться сейчас с этими людьми.

– Если жрец науки еще здесь, – сказал он тихо Бленту, – ему нужно где-нибудь отсидеться хотя бы несколько часов.

– Вы о нем что-нибудь слышали?

– Европейский ученый, у себя на родине довольно известный. Я где-то встречал его имя, – ответил доктор, проглядывая подобранные рукописи, – Деварджес. Он пишет здесь, что сделал важное открытие; как видно, придает своей коллекции большое значение.

– Может быть, следовало бы подобрать ее и привести в порядок? – спросил Блент.

– Сейчас некогда этим заниматься, – возразил доктор. – Каждая минута дорога. Сперва люди, наука потом, – полушутливо добавил он, и все пустили коней рысью.

Коллекции и рукописи, плоды многомесячного самоотверженного труда ученого, его неусыпных забот и тревог, свидетельство его бескорыстного энтузиазма и торжества научной мысли, остались лежать в снегу. Подувший из ущелья ветер разметал их по сторонам, как бы выказывая тем свое презрение, а солнце – уже довольно жаркое – накалив металлические части застекленного ящика и портфеля, погрузило их еще глубже в подтаявший снег, словно стремясь похоронить навеки.

Объехав долину по краю, где сползший со склонов снег обнажил дорогу, они добрались за несколько часов до дерева, стоявшего у входа в роковое ущелье. Объявление висело по-прежнему, но деревянная рука, указывавшая, где находятся обитатели снеговых хижин, изменила по прихоти ветра свою позицию и теперь зловеще направляла вытянутый палец вниз, прямо в землю. Сугробы у входа в каньон были все еще глубоки, и участникам экспедиции пришлось спешиться, чтобы продолжать свой путь. Словно по взаимному уговору, все шли молча, медленно ступая друг за другом, придерживаясь за камни по склону каньона, когда мокрый снег под ногами становился ненадежным, пока не увидели наконец деревянную трубу, а за нею часть кровли, торчавшую из-под снега. Подойдя поближе, они остановились и обменялись взглядом. Руководитель экспедиции склонился к отверстию трубы и что-то прокричал.

Ответа из хижины не последовало. Каньон подхватил крик человека и немного погодя откликнулся эхом. Затем снова воцарилась тишина, прерываемая только падением сосульки с утеса да шуршанием снежных оползней. Тишину нарушил Блент. Он обогнул хижину и, чуть-чуть помешкав у входа, вошел внутрь. Через мгновение он появился вновь, бледный и

сумрачный, и поманил доктора. Тот тоже спустился в хижину. Мало-помалу за ними последовали и остальные. Когда они вышли наружу, то положили на снег три мертвых тела; потом вернулись и вынесли разрубленные остатки четвертого. Покончив с этим, все долго стояли в молчании.

— Должна быть и вторая хижина, — сказал Блент.

— А вон и она, — сказал кто-то, указывая на торчавшую невядалеке трубу.

На этот раз дело обошлось без предварительных раздумий и никто не пытался кричать в трубу. Надежды больше не было. Направившись прямо к дверному отверстию, все спустились внутрь, потом вышли, стали в кружок и принялись что-то взволнованно обсуждать. Они так углубились в спор, что не заметили, как рядом появился незнакомый человек.

8. Следы почти неразличимы

То был Филип Эшли! Да, Филип Эшли, похудевший еще более, с запавшими глазами, измученный долгим путем, но по-прежнему исполненный нервной энергии. Филип, оставивший Грейс четыре дня тому назад в семействе гостеприимного траппера-метиса в Калифорнийской долине. Сумрачный, озлобленный Филип, неохотно пустившийся в это путешествие, но верный обещанию, данному Грейс, и суровым требованиям совести. Да, Филип Эшли! Он стоял возле хижины, озирая спорящих равнодушно-циническим взглядом.

Первым заметил его доктор и тут же кинулся к нему с радостным криком.

– Пуанзет! Артур! Откуда ты взялся?

Узнав доктора, Эшли залился густой краской.

– Тише! – вырвалось у него почти против воли. Потом, торопливо оглядев стоявших вокруг людей, он промолвил смущенно, с очевидным замешательством: – Я оставил свою лошадь вместе с вашими у входа в каньон.

– Понятно, – живо сказал доктор, – ты приехал, как и мы, чтобы спасти этих несчастных. Увы, все мы опоздали. Да, опоздали.

– Опоздали? – повторил вслед за ним Эшли.

– Да. Одни мертвы, другие покинули лагерь.

По лицу Эшли пробежало неизъяснимое выражение. Доктор ничего не заметил, он в этот момент что-то шепотом объяснял Бленту. Потом, сделав шаг вперед, сказал:

– Капитан Блент, разрешите представить вам лейтенанта Пуанзета, моего старого сотоварища по Пятому пехотному полку. Мы не виделись, два года. Как и мы, он прибыл сюда, чтобы оказать помощь несчастным. Таков его характер.

Речь и манеры Филипа ясно показывали, что он человек хорошо воспитанный и образованный. После сердечной рекомендации молодого доктора все отнеслись к нему с полной симпатией. Почувствовав это, Филип поборол смущение.

– Так кто же все-таки эти люди? – спросил он более уверенным тоном.

– Все они названы в объявлении, которое мы нашли прибитым к дереву. Поскольку оставшиеся в живых ушли, никто с точностью не знает теперь, кто эти мертвецы. По личным вещам доктора Деварджеса мы установили, где он находился. Он похоронен в снегу. В той же хижине мы нашли тела Грейс Конрой и ее маленькой сестренки.

Филип глянул на доктора:

– Как вы узнали, что это Грейс Конрой?

– Там нашлось платье с ее метками.

Филип вспомнил, что Грейс переделалась в костюм умершего младшего брата.

– Значит, только по меткам? – спросил он.

– Нет. Доктор Деварджес оставил список обитателей своей хижины. Двое исчезли: брат Грейс Конрой и еще один человек по имени Эшли.

– Куда же они могли деться? – глухо спросил Филип.

– Сбежали! Чего еще ждать от таких людей? – ответил доктор, презрительно пожимая плечами.

– Что значит «таких людей»? – внезапно вспыхнул Филип.

– О чем ты спрашиваешь, дружище? – отвечал доктор. – Разве ты их не знаешь? Помнишь, как они проходили через наш форт? Попрошайничали, чего не удавалось выклянчить – крали, и еще жаловались в Вашингтон, что воинские власти не оказывают им содействия. Затевали свары с индейцами, потом улепетывали, а нам доставалось расхлебывать кашу. Вспомни-ка этих мужчин, костлявых, больных всеми хворями на свете, нахальных,

распущенных! А эти женщины! Немытые, воняющие табаком, каждая с выводком детей, старухи в двадцать лет!

Филип хотел было противопоставить нарисованной картине грациозный образ Грейс, но почему-то из его замысла ничего не получалось. За последние полчаса природное тяготение Филипа к «чистому обществу» возросло во сто крат. Он поглядел на доктора и сказал:

– Да, ты прав.

– Разумеется, – откликнулся доктор. – Чего от них ждать? Люди, признающие одну лишь физическую силу, лишённые всякой морали. Здесь каждый думал только о себе, сильный обижал слабого, творились убийства, бог знает что еще.

– Вполне возможно, – торопливо согласился Филип. – Ну, а эта девушка, Грейс Конрой? Что о ней известно?

– Ее нашли мертвой. В руках она держала одеяло, в котором, наверное, была завернута ее малютка сестра. Эти скоты вырвали ребенка из рук умирающей женщины. Ну, хватит об этом. Расскажи лучше, Артур, как ты сюда попал. Твоя часть стоит поблизости?

– Нет, я уволился из армии.

– Вот как! Значит, ты здесь один?

– Один.

– Ну и ну! Мы все это подробно обсудим, когда вернемся. Ты поможешь мне писать отчет. Наша экспедиция имеет вполне официальный характер, хоть и направлена сюда, – представь! – чтобы проверить ясновидческий дар нашего уважаемого Блента. Проверка окончилась в его пользу, хотя других крупных достижений у нашей экспедиции пока нет.

Доктор вкратце изложил Филипу всю историю экспедиции, начиная с привидевшегося Бленту сна о партии эмигрантов, гибнущих от голода в горах Сьерры, и вплоть до их с Филипом сегодняшней встречи. Рассказ был выдержан в духе легкомысленно-цинического юмора, который так часто в былые дни скрашивал их унылые трапезы в офицерской столовой. Вскоре оба собеседника дружно хохотали. Люди из состава экспедиции, занятые погребением мертвых и разговаривавшие между собой торжественным Шепотом, услышав, как два благовоспитанных джентльмена юмористически трактуют эти события, устыдились напущенной на себя серьезности и стали, в свою очередь, пошучивать довольно крепко и без особого изящества. Щепетильный Филип нахмурился, доктор расхохотался. Оба друга направились к выходу из каньона и оттуда поехали рядом.

То, что Филип хранил глухое молчание о себе и об обстоятельствах своей жизни, было вполне в его характере и потому не вызвало ни удивления, ни подозрения у его друга. Доктор был счастлив, что встретил Филипа и может теперь снова общаться с человеком своего круга и воспитания; остальное его мало интересовало. Он гордился своим приятелем и был весьма доволен впечатлением, которое Филип произвел на этих грубых, необразованных людей, с которыми доктор – в силу демократического обычая, господствующего на неосвоенных окраинах страны, – должен был общаться как равный с равными. Филип же с юных лет привык, что его друзья гордятся им. Он даже ставил себе в заслугу, что редко использует это обстоятельство в личных интересах. Сейчас он подумал, что если поведает доктору, что был одним из обитателей Голодного лагеря и доверит ему историю своего бегства с Грейс, тот наверняка восхитится его отвагой. От подобных мыслей пробудившиеся было угрызения совести стали быстро затихать.

Дорога шла через Моньюмент Пойнт, мимо раскиданной пирамиды. Филип уже проезжал здесь по пути в каньон и сделал из разыгравшейся трагедии некоторые полезные для себя выводы. Он считал, что теперь свободен от обязательств, которые дал покойному ученому. Все же, чтобы развеять оставшиеся небольшие сомнения, он спросил:

– Насколько ценны эти рукописи и коллекции? Нужно ли их спасать?

Доктор уже давно тосковал по достойной аудитории, перед которой мог бы блеснуть своим скептическим взглядом на жизнь.

– Хлам! – сказал он небрежно. – Останься бедняга жив, быть может, коллекции и пригодились бы ему, дали бы повод потщеславиться. А так я не вижу в них ничего, о чем стоило бы сожалеть.

Тон этих замечаний напомнил Филипу безапелляционный тон самого доктора Деварджеса, и он сумрачно усмехнулся. Когда всадники подъехали поближе, они увидели, что и природа усвоила циническую точку зрения по обсуждаемому вопросу. Металлический ящик едва виднелся из-под снега, ветер далеко разметал листки рукописи, и теперь едва ли кто смог бы догадаться, что раскиданные камни были когда-то сложены в правильную пирамиду.

9. Следы исчезли навсегда

Палящее майское солнце уже разогрело глинобитные стены Сан-Рамонского *преси-дио*², зажгло ярким пламенем красную черепицу на крыше, накалило задний двор и заставило мулов и *вакero* из только что прибывшего каравана отступить в тень длинной балюстрады, когда секретарь почтительно потревожил команданте³, вкушавшего в низенькой отгороженной комнатке рядом с караульным помещением свою обычную сиесту. За все тридцать лет это был первый случай, чтобы команданте потревожили в часы дневного отдыха. «Язычники!» – было первой его мыслью, и рука потянулась к верному толедскому клинку. Но, увы, как раз сегодня повар забрал на кухню толедский клинок, чтобы переворачивать тортильяс⁴, и дон Хуан Сальватьерра удовольствовался тем, что строго спросил секретаря, что случилось.

– Сеньорита... американка... хочет видеть вас немедленно.

Дон Хуан снял черный фуляр, которым он имел обыкновение повязывать свою седую голову, и принял сидячее положение. Но не успел он полностью перевоплотиться в официальное лицо, как дверь медленно отворилась и в комнату вошла молоденькая девушка.

На девушке было грубое поношенное платье с чужого плеча: ее кроткие глаза запали, а длинные ресницы были влажны от слез; печаль выбелила ей щеки и проглядывала в горькой складке совсем юных губ, но при всем том девушка была так хороша, так по-детски невинна, так беспомощна, что команданте сперва вытянулся перед ней во весь свой рост, а потом склонился в глубоком поклоне, почти что коснувшись рукою пола.

Как видно, благоприятное впечатление было взаимным. Увидав долговязого старика с благородной осанкой и сразу приметив серьезные, добрые глаза команданте, освещавшие верхнюю половину его лица (в нижней господствовали черные с проседью усы), юная посетительница преодолела свою робость, всплеснула руками, с плачем кинулась вперед и упала на колени у его ног.

Команданте попытался было ласково поднять ее, но девушка осталась стоять на коленях.

– Нет, нет, выслушайте меня. Я бедная, одинокая девушка. Несчастная, бездомная! Месяц тому назад я оставила свою умирающую от голода семью в горах и отправилась искать помощи. Мой... брат... пошел со мной. Бог смиростивился над нами; после долгих изнурительных странствий мы пришли в хижину траппера; он накормил нас, дал нам приют. Филип... мой брат... пошел обратно в горы, чтобы спасти остальных. Он не вернулся. О сударь, он мог погибнуть, быть может, все они погибли. Один бог знает! Уже три недели, как он ушел, целых три недели! О, как тяжело быть столько времени одной среди чужих людей. Траппер пожалел меня, сеньор. Он сказал, чтобы я пошла к вам просить помощи. Сможете ли вы мне помочь? О да, я знаю, вы поможете. Вы разыщете их, моих друзей, мою маленькую сестренку, моего брата!

Выждав, пока девушка окончит свою речь, команданте ласково поднял ее и усадил в кресло рядом с собой. Потом он обернулся к секретарю, и тот ответил на его немой вопрос несколькими торопливыми фразами по-испански. С глубоким разочарованием девушка увидела, что ее речь осталась непонятой. Когда она повернулась к секретарю, через которого ей

² укрепленные пункты с гарнизонами, учрежденные испанскими колонизаторами в XVIII столетии для подавления местного индейского населения; после американо-мексиканской войны и захвата Калифорнии американцами в 1848 году пресидио утратили свое военное и административное значение.

³ командующий гарнизоном (исп.)

⁴ маисовые лепешки.

надлежало беседовать с команданте, в ее глазах промелькнула ожесточенность, новая черта характера, прежде совсем ей несвойственная.

– Вы американка?

– Да, – коротко ответила девушка. Как это бывает порою с женщинами, она почувствовала к секретарю-переводчику инстинктивную непреодолимую антипатию о первого взгляда.

– Сколько вам лет?

– Пятнадцать.

Коричневая рука команданте поднялась сама собою и погладила кудрявую головку.

– Как зовут?

Девушка смутилась и взглянула на команданте.

– Грейс, – ответила она, а потом, чуть помедлив и глядя с вызовом прямо в лицо секретарю, добавила: – Грейс Эшли.

– Назовите кого-нибудь из тех лиц, с кем вы путешествовали, мисс Грэйсли.

Грейс задумалась.

– Филип Эшли, Гэбриель Конрой, Питер Дамфи, миссис Джейн Дамфи, – сказала она.

Секретарь открыл бюро, вынул какой-то печатный документ, развернул его и углубился в чтение. Затем, сказав: «Виено»⁵, вручил его команданте. «Виено», – промолвил и команданте, бросая на Грейс ласковый взгляд.

– Спасательная партия, вышедшая из Верхнего пресидио, обнаружила лагерь американцев в Сьерре, – сообщил секретарь унылым голосом. – Здесь указаны их имена.

– Ну да! Конечно! Это наш лагерь!.. – радостно воскликнула Грейс.

– Не знаю, – сказал секретарь с сомнением в голосе.

– Наш! Конечно, наш! – настаивала Грейс.

Секретарь снова прочитал бумагу и сказал, глядя на Грейс в упор:

– Здесь нет имени мисс Грэйсли.

Кровь прихлынула к щекам Грейс, она опустила глаза. Потом подняла умоляющий взгляд на команданте. Если бы старик понимал, что она говорит, она, ни минуты не колеблясь, бросилась бы ему в ноги и призналась бы в своем невинном обмане. Но объясняться через секретаря ей было невозможно. Поэтому она несмело попыталась отстоять свою позицию.

– Возможно, что моего имени нет случайно, – сказала она. – Поищите имя Филипа, моего брата.

– Да, Филип Эшли здесь есть, – сумрачно сказал секретарь.

– Значит, он жив и здоров, не правда ли? – вскричала Грейс, позабыв от радости только что пережитый стыд.

– Его не нашли, – сказал секретарь.

– Не нашли? – повторила Грейс с широко раскрытыми от ужаса глазами.

– Его не оказалось на месте.

– Ну да, – сказала Грейс с нервным смешком. – Ведь он ушел со мной. Но потом он вернулся, пошел назад.

– В день тридцатого апреля Филипа Эшли там не было.

Девушка заломила руки и застонала. Все ее прежние страхи отступили перед новым ужасным известием. Обернувшись к команданте, она бросилась на колени.

– Простите меня, сеньор, у меня не было в мыслях ничего дурного, клянусь вам! Филип не брат мне, он мой друг, нежный, любящий друг. Он просил меня принять его фамилию, – бедный мой друг, увижу ли я его когда-нибудь?! – и я вняла его просьбе. Нет, я не Эшли. Не

⁵ отлично (исп.)

знаю, что написано в вашей бумаге, но там должны быть имена моего брата Гэбриеля, моей сестренки, многих других. Ради бога, сеньор, ответьте, живы они или нет? Ответьте мне... потому, что я... я – Грейс Конрой.

Секретарь успел тем временем сложить свою бумагу. Теперь он снова развернул ее, поглядел еще раз, уставился на Грейс, потом, отметив ногтем какое-то место в документе, передал его команданте. Мужчины переглянулись, команданте закашлялся, встал с кресла и отвернулся, избегая умоляющего взгляда Грейс. Когда секретарь по приказу команданте вручил ей бумагу, девушка почувствовала, что холодеет от ужаса.

Трепещущими пальцами она стиснула документ. Это было какое-то объявление на испанском языке.

– Я не знаю вашего языка, – сказала она, топнув в исступлении маленькой ножкой. – Что здесь сказано?

По знаку команданте секретарь встал и развернул бумагу. Сам команданте глядел в открытое окно. Пробитое в стене необыкновенной толщины, оно походило на амбразуру. Струившийся в него солнечный свет падал прямо на Грейс, освещая ее изящную головку, слегка наклоненную вперед, полуоткрытые губы и молящие глаза, обращенные к команданте. Секретарь привычно откашлялся и с апломбом многоопытного лингвиста принялся за перевод:

«УВЕДОМЛЕНИЕ

Его превосходительству, командующему гарнизоном Сан-Фелипе.

Имею честь сообщить вам, что спасательная экспедиция, снаряженная на основании сведений, представленных доком Хосе Блуэнтон из Сан-Геронимо, чтобы оказать помощь партии эмигрантов, терпящей бедствие в горах Сьерра-Невады, обнаружила в каньоне к востоку от Канада-дель-Диабло следы названных эмигрантов, свидетельствующие о прискорбной истории их лишений, страданий и конечной гибели в снегах. В приложенном ниже письменном документе, оставленном несчастными путешественниками, приводятся их имена и рассказана история их похода, возглавлявшегося капитаном Конроем.

В снегу были обнаружены пятеро погибших путешественников; опознать удалось двоих. Тела были погребены с соблюдением надлежащей гражданской и религиозной церемонии.

Наши солдаты проявили отвагу, выдержку, патриотизм, неустойчивость и высокую дисциплинированность, характерные для духа мексиканской армии. Также заслуживает самой высокой оценки поступок дона Артура Пуанзета, отставного лейтенанта американской армии, который, будучи сам путешественником в чужом краю, бескорыстно предложил экспедиции свои услуги.

Несчастные путешественники погибли от голода, хотя в одном случае следует подозревать действие...»

Переводчик на мгновение запнулся, но тут же, демонстрируя глубокое презрение к трудностям английского языка, продолжал:

«...действие мушиного яда. С прискорбием сообщаем, что среди погибших находится знаменитый доктор Поль Деварджес,

естествоиспытатель и собиратель чучел птиц и животных, хорошо известный ученому миру».

Секретарь сделал паузу, оторвал взор от бумаги и, глядя прямо в лицо Грейс, произнес тихо и раздельно:

«Опознаны были тела Поля Деварджеса и Грейс Конрой».

– Нет! Нет! – в ужасе воскликнула Грейс, всплескивая руками. – Это ошибка. Зачем вы так пугаете меня, бедную, одинокую, беззащитную девушку? Вы хотите наказать меня, господа, за то, что я поступила дурно и солгала вам. Смилуйтесь надо мной... О Боже!.. Филип, где ты? Спаси меня!

Она поднялась, закричала громко и отчаянно, обхватила голову своими худенькими ручками, потом простерла их к небу и рухнула как подкошенная.

Команданте склонился над девушкой.

– Позовите Мануэлу, – торопливо сказал он, поднимая на руки бесчувственную Грейс и резким, несвойственным ему жестом отклоняя попытку секретаря прийти ему на помощь.

В комнату вбежала горничная-индианка; она помогла команданте уложить девушку на кушетку.

– Бедное дитя, – сказал команданте. Мануэла между тем, ласково склонившись к Грейс, распустила ей шнуровку. – Бедное дитя, без отца, без матери.

– Бедная женщина, – промолвила вполголоса Мануэла, – одна, без мужа.

Часть вторая Через пять лет

1. Гнилая лощина

Гнилая Лощина переживала небывалый расцвет. Думаю, что даже сам основатель поселка, окрестивший его в приступе пьяного безрассудства этим злосчастным именем, остался он жив, непременно признал бы сейчас свою неправоту. Увы, задолго до того, как Лощина вступила в период расцвета, он пал жертвой чрезмерного разнообразия алкогольных напитков в барах Сан-Франциско. «Тянул бы Джим, как бывало, чистое виски и, глядишь, разбогател бы на этой жиле, что шла под его хижинкой», – так сказал один из мудрецов Гнилой Лощины. Но Джим поступил по-иному. Намыв золота на первую тысячу долларов, он отправился немедленно в Сан-Франциско и там пустился во все тяжкие, запивая коньяк шампанским, а джин – немецким пивом, пока не завершил свой краткий блистательный путь на больничной койке. Гнилая же Лощина не только пережила своего крестного отца, но и преодолела неблагоприятные предзнаменования, заложенные в ее имени. Сейчас поселок имел собственную гостиницу, почтовую станцию, парочку салунов и один ресторан без подачи алкогольных напитков; а еще два квартала одноэтажных деревянных домов на главной улице, несколько десятков хижин, лепившихся по горным откосам, и свежие пни на только что расчищенных лесных участках. Невзирая на свою юность, Лощина была обременена преданиями, традициями, воспоминаниями. Любопытствующие могли посетить первую палатку, которую собственноручно поставил Джим Уайт; в ставнях салуна «Качуча» зияли пулевые отверстия: именно здесь Бостон Джо и Гарри Уорс бились с Томсоном из поселка Ангела; с чердака салуна «Эмпориум» все еще торчало круглое бревно, на котором с год назад был повешен, без лишних формальностей, один из видных граждан Лощины после краткого обсуждения вопроса, откуда он взял своих мулов. А неподалеку стоял неказистый амбар, примечательный тем, что в нем однажды заседали делегаты, пославшие в установленном порядке достопочтенного Бланка представлять Калифорнию в высших законодательных учреждениях страны.

Сейчас шел дождь, не тот нормальный цивилизованный дождь, который льется сверху вниз, как это искони заведено в здешних горных местах, нет, какой-то бесхарактерный, нерешительно моросающий дождик, готовый в любой момент отречься от собственного естества и выдать себя за туман. Поставить цент на такой дождь и то было бы безрассудством. Поскольку он умудрялся сочиться не только сверху, но и снизу, то нижние конечности бездельников мужского пола, собравшихся у квадратной печки в лавке Бриггса, дымились от испаряющейся влаги.

Здесь собрались сейчас все те, кто по недостаточной утонченности вкуса, а может, и просто из-за нехватки наличных денег, избегали салунов и игорных домов. Гости жевали сухари из бочонка, принадлежавшего щедрому Бриггсу, и набивали трубки из ящика с табаком, принадлежавшего ему же, скромно полагая, что их общество в какой-то мере компенсирует хозяина за понесенный материальный ущерб.

Все молча курили; изредка кто-нибудь, откашлявшись, плевал на раскаленную печку. Внезапно дверь, ведущая во внутренние помещения, отворилась, и на пороге появился Гэбриэль Конрой.

– Ну как он, Гейб? – спросил один из куривших.

– Ни хорошо, ни худо, – отвечал Гэбриель. – Пока придет доктор, смени ему компресс, Бриггс. Я и сам бы вернулся через час, да Стива нужно навестить, а к нему от моей хижины добрые две мили.

– Он сказал, что без тебя никому прикоснуться к себе не позволит, – возразил мистер Бриггс.

– Ничего, притерпится, – задумчиво ответил Гэбриель. – И Стимсон так говорил, когда ему было плохо, а потом ничего, обтерпелся. Я так и не зашел к нему до самых похорон.

Все признали правоту этих слов, даже Бриггс, хотя он и остался недоволен. Гэбриель направился к выходу, но его снова кто-то окликнул:

– Послушай, Гейб, помнишь тех эмигрантов в палатке, у которых хворал ребенок? Он умер ночью.

– Вот как, – печально сказал Гэбриель.

– Тебе не мешало бы зайти подбодрить их. А то мать убивается.

– Непременно зайду, – сказал Гэбриель.

– Я знал, что тебе захочется зайти, да и мать будет рада, что я тебя послал, – заявил все тот же доброхот, устраиваясь у печки с видом человека, который; пошел на крупные жертвы, чтобы выполнить свой моральный долг.

– И всегда ты о всех печешься, Джонсон! – сказал восхищенный Бриггс.

– А как же, – отвечал Джонсон с подобающей случаю скромностью. – Мы, калифорнийцы, не должны бросать своих близких в беде. Вот я внес свою лепту и теперь спокоен: Гейб о них позаботится.

Пока тянулся этот разговор, неприметный филантроп Гнилой Лощины захлопнул за собой дверь и пропал во тьме. Он выполнял принятые поручения с таким тщанием, что только к часу ночи подошел к своему жилищу на склоне горы. Это была хижина, сбита из грубо обтесанных сосновых бревен, столь примитивная с виду, что ее лишь с трудом можно было характеризовать как создание рук человеческих. Крыша из древесной коры сплошь поросла диким виноградом; в щелях птицы давно свили гнезда; белка забилась прямо на конек и там грызла свои желуди без страха и без упрека.

Гэбриель осторожно вытащил деревянный колышек, служивший дверным засовом, и вошел в дом своим мягким, неслышным шагом. Раскопав в очаге тлеющий уголек, он зажег свечу и огляделся. Парусиновое полотнище разделяло комнату на две комнаты; разрез в занавеске заменял дверь. На грубо сколоченном сосновом столе лежала одежда, принадлежавшая, как видно, девочке лет семи-восьми; платице, сильно поношенное, а кое-где и порванное; совсем ветхая нижняя юбка из белой фланели, заплатанная красными лоскутами, и пара чулок, заштопанных и перештопанных так основательно, что от их первоначального состава едва ли что-нибудь сохранилось. Гэбриель сперва бросил общий меланхолический взгляд на эти наряды; потом принялся тщательно осматривать вещь за вещью. Скинув куртку и сапоги и приняв таким образом домашний вид, он достал стоявшую на полке шкатулку и уже начал было разыскивать нужные ему швейные принадлежности, как его прервал детский голосок с той стороны занавески:

– Это ты, Гэйб?

– Я.

– Знаешь, Гэйб, я устала и легла спать.

– Знаю, – сухо отозвался Гэбриель, вытаскивая торчавшую в нижней юбке иголку с ниткой. Кто-то уже принялся было чинить юбку, но, как видно, очень быстро утратил терпение, и дыра так и осталась незашитой.

– Ах, Гэйб, это такое старье!

– Старье?! – повторил Гэйб с укором в голосе. – Тоже скажешь! Конечно, поношенно малость, зато какие отличные вещи! Вот эта юбочка, например. – Гэбриель поднял юбку

и поглядел на красные заплатки с гордостью художника, обозревающего созданный им шедевр. – Эта юбочка, Олли, крепче, чем новая.

– Она была новой пять лет тому назад, Гэйб!

– Ну и что? – спросил Гэбриель, нетерпеливо оборачиваясь к невидимой собеседнице. – Что с того?

– Я выросла за это время.

– Выросла! – пренебрежительно откликнулся Гэбриель. – А разве я не выпустил складку, разве не вставил в корсаж кусок мешковины в добрых три пальца шириной? Я вижу, ты решила разорить меня на платье!

Олли рассмеялась за занавеской. Однако суровый штопальщик не отозвался на ее смех. Тогда в импровизированную дверь просунулась курчавая головка, и вслед за тем стройная девочка в коротенькой ночной рубашонке подбежала к Гэбриелю и принялась ластиться к нему, пытаясь забраться под самую жилетку.

– Поди прочь! – сказал Гэбриель, сохраняя суровость в голосе, но самым жалким образом утрачивая строгость на лице. – Поди прочь! Тебе смешно! Я не щажу сил, только бы разодеть тебя в шелк и бархат, а ты купаешься во всех канавах и пляшешь в колючем кустарнике. Ты совсем не бережешь свои вещи, Олли. Не прошло ведь и десяти дней с тех пор, как я заклепал и, так сказать, полудил твоё платье, и вот – погляди на него!

Гэбриель негодуя потряс платьем перед самым носом Олли. Между тем девочка, упершись макушкой прямо в грудь Гэбриеля и обретя таким образом точку опоры, стала совершать вращательные движения, намереваясь, как видно, пробуравить путь к его сердцу.

– Ты ведь не сердишься на меня, Гэйб? – взмолилась она, перебираясь с одного колена Гэбриеля на другое, но не отнимая головы от его груди. – Ты ведь не сердишься?

Не устаивая ее ответом, Гэбриель торжественно чинил нижнюю юбку.

– Кого ты видел в городе? – спросила ничуть не обескураженная Олли.

– Никого, – сухо отозвался Гэбриель.

– Не верю, – заявила Олли, решительно тряхнув головкой, – от тебя пахнет мазью и мятной примочкой. Ты был у Бриггса и у тех новичков в Лощине.

– Верно, – сказал Гэбриель. – Нога у мексиканца болит поменьше, а малютка скончалась. Напомни мне утром, я пороюсь в маминых вещах, может быть, разыщу что-нибудь для бедной женщины.

– Ты знаешь, Гэйб, что говорит о тебе миссис Маркл? – спросила Олли и посмотрела на брата.

– Понятия не имею, – сказал Гэбриель, демонстрируя полнейшее равнодушие. Как обычно, притворство его не имело никакого успеха.

– Она говорит, что о тебе никто не заботится, а ты заботишься обо всех. Она говорит, что ты убиваешь себя для других. Она говорит, что нам нужно иметь хозяйку в доме.

Гэбриель прервал работу и отложил недоштопанную юбку в сторону. Потом, взяв сестренку одной рукой за кудрявую макушку, а другой за подбородок, он повернул к себе ее плутовское личико.

– Олли, – начал он торжественно, – помнишь ты, как я унес тебя из снеговой хижины в Голодном лагере и тащил на закорках много миль подряд, пока мы не вышли в долину? Помнишь, как мы прожили две недели в лесу, как я рубил деревья, промышлял нам с тобой пропитание, ловил дичь, удил рыбу? Скажи, Олли, обошлись мы тогда без хозяйки в доме или, может быть, нам не хватало хозяйки? А когда мы с тобой поселились здесь, кто выстроил эту хижину? Быть может, это был не я, а какая-нибудь хозяйка? Если так, Олли, я готов признаться, что во всем не прав, а миссис Маркл права.

На минутку Олли смутилась, но тут же с чисто женской хитростью начала новое наступление.

– Мне кажется, Гэйб, что миссис Маркл любит тебя.

В испуге Гэбриель поглядел на сестренку. В этих вопросах, которые хоть кого поставят в тупик, женщины, как видно, разбираются с младенческого возраста.

– Тебе пора спать, Олли, – сказал он, не найдя другого способа заставить девочку замолчать.

Но Олли еще не хотелось уходить, и она переменяла тему разговора.

– Ты знаешь, этот мексиканец, которого ты лечишь, вовсе не мексиканец, а чилиец. Так говорит миссис Маркл.

– Не все ли равно? Для меня он мексиканец, – равнодушно отозвался Гэбриель. – Уж очень он любит обо всем расспрашивать.

– Опять про нас расспрашивал?.. Про нашу историю? – спросила девочка.

– Да, хочет знать все, что случилось с нами в Голодном лагере. Когда я рассказал ему про бедную Грейс, он просто сам не свой сделался. Задал сразу тысячу вопросов, какая она была, да что с ней случилось, а как узнал, что она пропала без вести, то огорчился не меньше нашего. Никогда еще я не встречал человека, Олли, который так интересовался бы чужими бедами. Со стороны можно подумать, что он мучился вместе с нами в Голодном лагере. Про доктора Деварджеса тоже спрашивал.

– А про Филипа спрашивал?

– Нет, – коротко отрезал Гэбриель.

– Гэбриель, – сказала Олли, внезапно меняя тон. – Было бы гораздо лучше, если бы ты не рассказывал чужим людям о нашей истории.

– Почему? – удивленно спросил Гэбриель.

– Потому что об этом лучше молчать. Гэйб, милый, – продолжала девочка, и верхняя губка у нее задрожала. – Мне кажется иногда, что люди нас в чем-то подозревают. Этот мальчик из эмигрантского семейства не захотел со мной играть. Дочка миссис Маркл сказала, что мы там, в горах, делали что-то нехорошее. А мальчик сказал, что я дрянь... Назвал меня канни... калибанкой.

– Как он тебя назвал? – спросил Гэбриель.

– Калибанкой! Он говорит, что мы с тобой...

– Замолчи! – прервал ее Гэбриель, и гневный румянец выступил на его загорелом лице. – Как увижу этого мальчишку, непременно отлуплю.

– Нет, ты послушай, Гэбриель... – настаивала на своем Олли.

– Пора спать, Олли, а то пол у нас холодный и ты со своими глупыми разговорами непременнохватишь простуду, – строго сказал Гэбриель. – А дочка миссис Маркл препустая девчонка. Водит тебя по канавам, ты рвешь там платья, а я полночи сижу за починкой.

С этим напутствием Олли направилась за парусиновую занавеску; Гэбриель же снова принялся за шитье. Нитка у него то запутывалась, то рвалась, и каждый стежок был воображаемой оплеухой, которую от отпускал эмигрантскому мальчишке. Так дело шло, пока снова не раздался голос Олли:

– Послушай, Гэйб!

– Что еще? – в отчаянии спросил Гэбриель, бросая работу.

– Тебе не кажется иногда, что Филип... съел... Грейс?

Гэбриель вскочил и исчез за занавеской. В этот момент дверь тихо отворилась, и в хижину вошел незнакомец. Окинув быстрым взглядом полуосвещенную комнату, он застыл на пороге. Из-за занавески были слышны голоса. Незнакомец, помедлил, потом негромко кашлянул.

Гэбриель тут же появился, готовый обрушить свое раздражение на непрошеного гостя, но когда взгляделся в пришельца, то был поражен до крайности. Гость вежливо улыбнулся, прошел, слегка прихрамывая, к столу, сделал извиняющийся жест и сел.

– Простите меня, но я должен присесть. Вы удивлены, не правда ли? Пять или шесть часов тому назад вы оставили меня в постели, очень больного. Вы были так добры ко мне, так добры! Вот! А теперь! Теперь я здесь, и что вы можете обо мне подумать? Сошел с ума? Спятил? – Гость вытянул правую руку, растопырил пальцы, пошевелил ими, желая наглядно показать, что может думать Гэбриель о путанице в его голове, потом снова улыбнулся. – Сейчас я все расскажу по порядку. Час тому назад приходит важное сообщение. Мне необходимо ехать в Мэрисвилл сегодня же, сию секунду. Вот! Понимаете? Встаю. Одеваюсь. Ха-ха! У меня есть еще силенка. Я бодрюсь. Но нет. Нет, Виктор, говорю я себе, ты не уедешь отсюда, не пожав на прощанье руку доброму человеку, который ходил за тобой, лечил тебя. Ты сперва попрощаешься с этим благородным великаном, который поставил тебя на ноги. Вуено! Я здесь!

Он протянул Гэбриелю свою худую нервную коричневатую руку; острый взгляд его черных глаз, бродивший до сих пор по комнате и как бы фиксировавший все мельчайшие детали обстановки, впервые остановился на самом хозяине дома.

– Но ведь вы совсем больны. Зам нельзя было вставать с постели, вы погубите себя, – пробормотал изумленный донельзя Гэбриель.

Пришелец усмехнулся:

– Да? Вы так думаете? Послушайте, что я скажу. Я взял верховую лошадь. Сколько миль будет, по-вашему, до городка, откуда идет дилижанс? Пятнадцать? – чтобы обозначить это число, он три раза поднял руку с растопыренными пальцами. – Для меня – сущий пустяк. Дилижанс пойдет оттуда через два часа. Я поспею к дилижансу. Вот!

Растолковывая все это Гэбриелю и сопровождая свои слова движением руки, отмечающим все и всяческие трудности, гость рассматривал тем временем оправленный в старомодную застекленную рамку дагерротип, стоявший на каминной полочке. Он поднялся с гримасой страдания на лице и, промахав через всю комнату, снял дагерротип с полки.

– Это кто? – спросил он.

– Это – Грейси, – ответил Гэбриель, светлея лицом. – Она сфотографировалась в тот самый день, когда мы вышли из Сент-Джо.

– А когда это было?

– Шесть лет назад. Ей только что исполнилось четырнадцать, – сказал Гэбриель, беря рамку и любовно поглаживая стекло ладонью. – Во всем Миссури не было тогда девушки красивее ее, – добавил он с гордостью и поглядел на портрет сестры увлажненными глазами. – Что вы скажете?

Гость быстро произнес несколько фраз на каком-то иностранном языке. По-видимому, он хотел выразить свое восхищение, потому что, когда Гэбриель взглянул на него вопросительно, гость улыбался и приговаривал, не сводя глаз с дагерротипа: «Красавица! Ангел! Как хороша!» Потом, с многозначительным видом поглядывая то на карточку, то на Гэбриеля, он добавил:

– Кого же она мне так напоминает? Ах да, понятное дело! Сестра похожа на брата!

Гэбриель просиял от счастья. Каждый человек менее простодушный без труда разгадал бы в этих словах желание польстить. В грубоватой открытой физиономии Гэбриеля не было и следа той поэтической грации, которой было овеяно лицо девушки на портрете.

– Бесценное воспоминание, – сказал гость. – И это все, что у вас осталось? Все?

– Все, – откликнулся Гэбриель.

– Ничего больше нет?

– Ничего.

– А как хотелось бы иметь письмецо, какие-нибудь личные бумаги, хоть строчку, написанную ее рукой. Не правда ли?

– Ничего не осталось, – сказал Гэбриель, – кроме ее платья. Когда она собиралась уходить, то переделалась в мужское платье, взяла костюм Джонни. Я уже рассказывал вам об этом. До сих пор в толк не возьму, как они узнали, что она Грейс Конрой, когда нашли ее мертвой.

Гость ничего не ответил, и Гэбриель продолжал:

– Минул почти что месяц, пока мне удалось вернуться в каньон. Снег к тому времени сошел, и от нашего лагеря не осталось и следа. Тогда-то я и узнал, что спасательная экспедиция никого не застала в живых и что среди погибших была Грейс. Я вам об этом уже рассказывал. Как могло случиться, что бедняжка вернулась в лагерь одна-одинешенька? Ведь человек, с которым она ушла, бесследно пропал. Просто ума не приложу. Вот что грызет меня, мистер Рамирес! Стоит мне подумать, что бедная девочка вернулась назад – ко мне и к Олли, – и не нашла нас на месте, и я просто с ума схожу. Она умерла не от голода и не от холода. Нет! Сердце ее не выдержало такого горя! Говорю вам, мистер Рамирес, ее сердечко... разорвалось... от горя.

Гость с любопытством поглядел на Гэбриеля, но ничего не сказал. Гэбриель поднял понуренную голову, вытер слезы фланелевой юбкой Олли и продолжал свой рассказ:

– Больше года я пытался раздобыть где-нибудь доклад спасательной экспедиции. Старался выяснить, из какой миссии или *пресидио* вышли спасатели, думал найти кого-нибудь из участников экспедиции. Но тут началась золотая лихорадка, все миссии и *пресидио* перешли в руки американцев, а когда я добрался до Сан... как его?..

– Сан-Изабель, – поспешно подсказал Рамирес.

– Выходит, я уже рассказывал вам? – спросил простодушный Гэбриель. – Совсем забывал.

Ослепительно улыбнувшись, Рамирес поспешил согласиться с Гэбриелем и одновременно показал движением руки, что внимательно слушает рассказ.

– В Сан-Изабеле я не нашел никого, кто знал бы об этом деле. Документов тоже не осталось. Тогда я напечатал объявление в сан-францисской газете, просил Филипа Эшли, это тот самый человек, с которым ушла наша Грейс, – откликнуться на мой зов. Но ответа не получил.

Рамирес поднялся.

– Вы ведь небогаты, друг мой?

– Небогат, – сказал Гэбриель.

– Надеетесь разбогатеть, не так ли?

– Надеюсь напасть на жилу, как и другие.

– Не здесь, так там, не правда ли, друг мой?

– Не здесь, так там, – улыбаясь, согласился Гэбриель.

– Adios!⁶ – сказал гость, направляясь к выходу.

– Adios! – ответил Гэбриель. – Стоит ли вам сей час ехать? Так ли неотложно ваше дело? Уверены ли вы, что у вас хватит сил?

– Хватит ли сил? – отозвался Рамирес с загадочной улыбкой. – Без сомнения! Поглядите, какой я молодец! – Он развел руки в стороны, выпятил грудь и так Дошел до двери. – Вы вылечили меня от ревматизма, Гэбриель, друг мой. Спокойной ночи!

Дверь за ним захлопнулась. Минуту спустя Рамирес вскочил в седло и помчался с такой быстротой, что, несмотря на ночную тьму и дурную погоду, за два часа до скакал до старательского городка, где менял лошадей почтовый дилижанс Уингдэм – Сакраменто. На следующее утро, когда Олли и Гэбриель еще сидели за завтраком, мистер Виктор Рамирес, кипя неумемной энергией, сошел с дилижанса у дверей гостиницы «Мэрисвилл» и направился

⁶ Прощай! (исп.)

прямо к портье. Когда тот вопросительно взглянул на него, Рамирес протянул свою визитную карточку.

– Прошу вас, передайте миссис Грейс Конрой.

2. Госпожа Деварджес

Следуя за коридорным, мистер Рамирес поднялся по лестнице, миновал узкую галерею и вышел в холл. Здесь коридорный предложил мистеру Рамиресу присесть и обождать его возвращения, после чего углубился в другую галерею и исчез из вида. До его прихода Виктору Рамиресу предоставлялось право безвозбранно рассматривать свежеструганные дощатые перегородки и скудную меблировку отеля. У него еще осталось добавочное время, чтобы разобрать написанный по-английски плакат, вывешенный на видном месте: «Настоятельно просим джентльменов не ложиться спать на лестнице!» Вернувшийся коридорный угрюмо поманил мистера Рамиреса, и теперь уже вдвоем они отправились по темной галерее, пока не дошли до закрытой двери в самом ее конце. Коридорный еле слышно постучал. Однако, сколь ни слаб был его стук, все соседние двери раскрылись, словно по волшебству, и из каждой показалась мужская голова. Мистер Рамирес помрачнел. Он был достаточно знаком с господствующими нравами и обычаями, чтобы понять, что, явившись с визитом к даме, он тем самым вызвал зависть, темные подозрения и недоброжелательство всех проживающих в отеле мужчин.

Послышались легкие шаги. Дверь распахнулась. Коридорный помедлил, желая лично установить, какие отношения связывают хозяйку номера с ее гостем, после чего нехотя удался. Дверь затворилась, мистер Рамирес остался наедине с дамой.

Это была невысокая хрупкая блондинка. Открыв дверь, она улыбнулась и на мгновение стала хорошенькой; но тотчас же погасила улыбку и теперь казалась некрасивой и ничем не примечательной. Если не считать вкрадчивых манер – которых, кстати сказать, следует более всего страшиться в слабом поле, – и несколько не объясняемого обстоятельствами молящего взгляда, в ней не было ровно ничего, что могло бы вызвать восторги мужчин или ревность женщин.

Рамирес попытался обнять ее, но она пугливо отступила и сказала шепотом, указывая на потолок и на стены:

– Все видно, все слышно.

Коричневое лицо Рамиреса еще больше потемнело. Оба долго молчали. Потом дама, сверкнув зубками и блеснув глазками, прогнала прочь меланхолию, омрачившую их свидание. Указав на кресло, она сказала:

– Сядь, Виктор, и расскажи, почему ты так быстро вернулся.

Виктор угрюмо уселся, выражая всем своим видом полное послушание и покорность. Дама молчала.

Рассерженный Рамирес хотел показать, что он тоже умеет молчать, но не совладал с природной живостью своей натуры.

– Знаешь, что я тебе скажу! Тебе пора вычеркнуть из книги постояльцев имя Грейс Конрой и поставить свое собственное.

– Почему, Виктор?

– Она спрашивает «почему»! – сказал Виктор, адресуя свое негодование потолку. – О Боже! Да потому, что в сотне миль отсюда живут родной брат и родная сестра Грейс Конрой! Я видел их собственными глазами.

– Какая же в том беда?

– Какая беда! – воскликнул Виктор. – Сейчас ты узнаешь. Слушай, что я расскажу.

Он подвинулся поближе и перешел на доверительный шепот:

– Я отыскал наконец эту жилу. Вел поиски по плану, который, ты знаешь, мне удалось... найти. Так вот. План оказался точным. Ага, ты слушаешь с интересом! Описание местности правильное. Но я ведь не знал, где она, эта жила. И не открыл ли ее кто-нибудь раньше меня?

Местность называется Гнилая Лощина. Почему? Кто знает! Процветающий старательский поселок, кругом богатые разработки. Но о жиле на холме никто понятия не имеет, никто даже не сделал на нее заявки. Почему? Да потому, что она с виду ничего не обещает. Но это она. Та самая жила!

Рамирес достал из кармана конверт, вынул из него сложенную бумагу (ту самую, которую доктор Деварджес вручил в свое время Грейс Конрой) и, развернув, стал водить по ней пальцем.

– Начал я, как здесь указано, с верховьев Америкен Ривер. Оттуда пошел по предгорию – я знаю там каждый шаг – и к концу недели выбрался к Гнилой Лощине. Видишь на плане? Это и есть Лощина. – Рамирес протянул бумагу своей слушательнице, и та жадно стиснула ее длинными тонкими пальцами. – Чтобы разведать поточнее, мне нужно было задержаться в поселке на три-четыре дня. Как это сделать? Я никого не знаю, я иностранец, старатели не любят чужаков, не доверяют им. Но вот я слышу, что в поселке живет старатель по имени Гэбриель Конрой, добрый человек, который ходит за больными. Все ясно. Я сразу заболела, тяжело заболела. У меня ревматизм. Вот здесь. – Рамирес похлопал себя по колену. – Я беспомощен, как грудной младенец. Я лежу в постели в доме мистера Бриггса. Ко мне является Гэбриель Конрой, сидит со мной, развлекает меня, рассказывает свою историю. Приводит ко мне младшую сестренку. Я навещаю их в его хижине на холме. Я вижу там портрет его сестры. Вот как обстоит дело! Теперь ты понимаешь! Все кончено!

– Почему?

– Почему? Эта женщина еще спрашивает «почему»?! – возопил Виктор, обращая взор к потолку. – Ты хочешь знать? Отлично! Дом Гэбриеля Конроя стоит на участке, где проходит жила, на том самом участке, который губернатор подарил доктору Деварджесу. Теперь им владеет Гэбриель!

– Гэбриель? А он знает про жилу?

– Ничего не знает. Игра случая. Как ты любишь говорить – судьба!

Она отошла и остановилась у окна, глядя, как идет дождь. Взгляд ее застыл, стал жестким, а лицо – таким старым и измученным, что гуляка, прохаживавшийся по тротуару напротив в надежде поглядеть на хорошенькую англичанку, – попросту не узнал ее. Это пустяковое происшествие заставило ее взять себя в руки. С чарующей улыбкой она обернулась к Рамиресу и, подойдя к нему, спросила нежным голоском:

– Что же ты хочешь сделать? Бросить меня?

Виктор не решился взглянуть ей в глаза. Уставившись в стену, он пожал плечами:

– Судьба!

Она тесно переплела свои тонкие пальцы и, ставши перед собеседником так, чтобы он не мог отвести взгляда, сказала:

– У тебя ведь хорошая память, Виктор. Не правда ли?

Тот промолчал.

– Если хочешь, я напомню тебе нашу историю. Год тому назад, будучи в Берлине, я получила письмо от Питера Дамфи из Сан-Франциско. Мистер Дамфи сообщал, что у него имеются важные документы, касающиеся собственности моего покойного мужа, доктора Деварджеса; он предложил мне вступить с ним в деловую переписку. Вместо того чтобы последовать его совету, я поехала в Америку. Наверное, мужчина на моем месте стал бы колебаться, раздумывать; но это не в моем характере. Я – слабая, бедная женщина; я – поехала. Должно быть, этого не следовало делать; вы – смелые и хитрые мужчины – не тронулись бы с места, не получив формального письменного заверения. А я... я поехала.

Виктор слегка поморщился, но ничего не возразил.

– В Сан-Франциско я посетила мистера Дамфи. Он познакомил меня с несколькими документами, которые, как он сказал, были отданы ему доктором Деварджесом на хранение.

Один из них был дарственной грамотой, выданной испанскими властями доктору Деварджесу на владение участком земли; в других говорилось о сделанных им важных открытиях. Дамфи посоветовал мне обратиться за дальнейшими разъяснениями в миссию и *пресидио* Сан-Изабель, откуда в свое время была снаряжена спасательная экспедиция; Что касается до его личного участия в моем деле, сказал Дамфи, то он – коммерсант, бизнесмен и согласен содействовать мне на комиссионных началах; я должна гарантировать ему определенный процент с полученной суммы. Ну как, точно я рассказываю?

Виктор поднял на нее свои черные глаза и утвердительно кивнул.

– Я поехала в миссию. Там я встретила тебя. Как секретарь прежнего команданте и хранитель архива пресидио, ты был единственным, кто знал все, что касалось спасательной экспедиции. Ты показал мне последний оставшийся экземпляр доклада. Ты тоже сохранял со мной холодный, официальный тон – до той поры, пока я не открылась, кто я. Тут ты сразу переменился. Ты рассказал мне об этой юной девушке, таинственной Грейс Конрой, имя которой значилось в списке погибших. Ты сказал, что считаешь ее самозванкой. Говорил ты это или нет?

Виктор утвердительно кивнул.

– Ты рассказал, в каком отчаянии была она, когда ей прочитали доклад; как женщины догадались о ее беременности; как ее пожалел команданте; как она таинственным образом исчезла; как ты сам, хоть и подозревал, что она родила в миссии ребенка, не смог добиться от команданте ни слова по этому поводу. Точно я рассказываю, Виктор?

Он попытался взять ее за руку, но она, не меняя своей вкрадчивой манеры, спокойно отняла руку и продолжала рассказ:

– Ты поведал мне о том, как подобрал с пола бумагу, оброненную ею, когда ей распускали шнуровку, вот эту самую бумагу, которую ты сейчас держишь в руке. Ты рассказал мне, как ты скрыл находку, присвоил ее. И ты придумал, Виктор, что мне делать, чтобы завладеть собственностью доктора Деварджеса, предложил мне назваться именем этой девушки и стать, таким образом, самозванкой вдвойне. Ты не потребовал от меня комиссионного вознаграждения. Ты не воспользовался моими трудностями, чтобы просить денег, нет, ты просил только одного – моей любви. Да, я совершила ошибку, проявила непростительную женскую слабость. Соблазн был велик, я не думала о выгоде, я слушалась веления сердца. Я обещала тебе свою руку и свое богатство – когда мы победим. Сейчас ты пришел просить, чтобы я освободила тебя от данного слова. Да, да, ты это сказал!

Полный раскаяния, Рамирес схватил ее за руку и упал на колени; она высвободилась резким движением.

– Нет! Нет! – продолжала она тем же скорбным голосом. – Ступай к ее брату, на розыски которого ты потратил столько усилий. Иди к нему, отдай ему эту бумагу, которая у тебя в руках. Расскажи ему, как ты украл эту бумагу у его сестры, скажи, что его сестра – самозванка, что она мать незаконного младенца. Еще скажи, что, отдавая ему эту бумагу, ты тем самым отнимаешь последнюю надежду у женщины, которую несправедливо оскорбил и покинул муж, у женщины, проехавшей много тысяч миль, чтобы получить во владение собственность мужа, на которую она имеет моральное право. Да, да, расскажи ему все, и этот человек, хороший, добрый человек, как ты его описываешь, радостно откроет тебе свои объятия. Не забудь еще добавить, что этот документ не дает ему никаких прав на владение землей, потому что, если ребенок его сестры жив, собственность, по закону, принадлежит ребенку. Под конец покажи ему еще доклад, где обе его сестры объявлены умершими, а его собственное существование поставлено под вопрос, и он поймет, сколь многим он тебе обязан!

– Прости меня, – простонал Диктор, изнемогая от раскаяния и от восторга перед умом этой женщины. – Прости меня, Жюли! Я трус. Я раб. Я неблагодарное животное. Я сделаю все, как ты прикажешь, Жюли, все, как ты прикажешь!

Госпожа Деварджес удовольствовалась одержанной победой; она знала, что этого неуравновешенного человека нельзя доводить до крайности. «Тс-с!» – сказала она и не оказала сопротивления, когда Рамирес привлек ее к себе.

– Послушай, Виктор, что я скажу, – начала она после короткого молчания. – Тебе ни к чему бояться этого человека. Пойми, он незаконно захватил мою собственность, землю, на которую я имею неоспоримые права. Я никогда не признаю его своим братом. Кто сможет удостоверить, что он действительно Гэбриэль Конрой? Его сестра не посмеет выступить в его защиту, а если выступит, ты под присягой покажешь, что когда она явилась в миссию, то назвалась другим именем. Кто поверит этому брату, отстаивавшему свои корыстные интересы, когда ты ясно засвидетельствуешь, что Грейс Конрой, которая явилась в миссию, – это я, а Питер Дамфи покажет, что знал меня еще в Голодном лагере.

– Питер Дамфи? – спросил изумленный Рамирес.

– Да, Питер Дамфи! – подтвердила госпожа Деварджес. – Когда я призналась ему, что не имею юридических прав на наследство доктора Деварджеса потому, что разведена с ним, и рассказала о твоём плане, Дамфи сказал, что он выступит на суде и удостоверит, что я действительно Грейс Конрой. Пока ты выискивал новые препятствия, Виктор, я добилась кое-каких успехов.

– Прости меня! – Схватив ее руки, он стал покрывать их страстными поцелуями. – Я мчусь. До свидания!

– Куда? – спросила она, поднимаясь.

– В Гнилую Лощину.

– Нет. Сперва присядь. Послушай, что я скажу. Ты поедешь сейчас в Сан-Франциско и расскажешь Дамфи обо всем, что ты узнал. Возможно, нам придется взять адвоката, но до этого надо разведать силу противника. Ты должен во что бы то ни стало выяснить, куда девалась эта Грейс. Поезжай в Сан-Франциско и посоветуйся с Дамфи. Я буду ждать тебя здесь.

– Но ты здесь одна, без всякой защиты. Кругом мужчины...

В глазах Рамиреса замелькали искорки недоверия и ревности.

– Для нашего дела более опасны женщины. Неужели ты не веришь мне, Виктор? – спросила она, ослепительно улыбнувшись.

Он кинулся бы к ее ногам, но она остановила его, погрозив пальчиком и бросив лукавый взгляд на перегородку.

– Значит, мы обо всем договорились. Счастливого пути! Одну минутку. Этот Гэбриэль женат?

– Нет.

– До свидания.

Смуглое, взволнованное лицо мексиканца мелькнуло в дверях, и он исчез. Вскоре из 92-го номера, по соседству с номером госпожи Деварджес, раздался резкий звонок.

Грубый коридорный постучался в дверь и вошел, став сразу очень почтительным. Относительно этого постояльца у него сомнений не было. В 92-м номере жил мистер Джек Гемлин, известный всему городу профессиональный игрок.

– Какого дьявола я должен тебя ждать? – спросил Джек, свешиваясь с постели и хватаясь с угрожающим видом за колодку для снятия сапог.

Коридорный пробормотал что-то в свое оправдание.

– Подай горячей воды.

Коридорный кинулся было выполнять приказ, но Джек остановил его, применив для этой цели краткое, но сильное выражение.

– Сперва я жду тебя целую вечность, теперь ты норовишь улизнуть. Кто был сейчас в соседнем номере?

– Не знаю, сэр.

– Узнаешь и сообщишь.

Он швырнул коридорному золотую монету, потом взбил подушку и отвернулся к стене. Коридорный медлил; Джек рывком повернулся к нему.

– Еще торчишь? Какого дьявола?

– Прошу прощения, сэр, вам что-нибудь известно об этой даме?

– Нет, – сказал Джек, приподнимаясь на локте, – ничего не известно, но если я хоть раз еще увижу тебя под ее дверью, как это было пять минут назад, я... – И мистер Гемлин, понизив голос, пояснил собеседнику, что намерен насильственным путем лишить его некоторых жизненно важных частей организма. – Вон отсюда!

После того, как дверь за коридорным захлопнулась, мистер Гемлин еще добрый час пролежал молча в постели. Потом поднялся и стал не спеша одеваться, напевая при этом (по своей всегдашней привычке) редким по красоте тенором, хорошо знакомым всем его близким друзьям. Напевшись вдоволь и завершив туалет, он достал миниатюрный револьвер с ручкой из слоновой кости и сунул его в жилетный карман по соседству с некоей любовной записочкой самого трагического содержания, потом увенчал свою красивую голову цилиндром, сдвинув его, быть может, несколько более набекрень, чем обычно, и вышел из номера. Он сильно хлопнул дверью, прежде чем повернуть ключ, перегородки задрожали от толчка, и дверь, ведшая в номер его очаровательной соседки, распахнулась. Машинально подняв голову, мистер Гемлин увидел, что дама стоит, прислонившись к шифоньерке, и прижимает к глазам платочек. Джек перестал петь и степенно спустился с лестницы. Коридорный, стоявший внизу, почтительно прикоснулся к шляпе.

– Он нездешний, сэр.

– Кто нездешний? – холодно спросил мистер Гемлин.

– Тот человек.

– Какой человек?

– А тот, о котором вы спрашивали.

Мистер Гемлин не спеша достал сигару, зажег спичку, затянулся два раза, после чего, пристально глядя на коридорного, сказал:

– Я ни о ком тебя не спрашивал.

– Я думал, сэр...

– Никогда не напивайся с утра, Майкл, – сказал мистер Гемлин, не сводя с коридорного своих темных глаз. – На пустой желудок это производит ужасное действие. Послушайся меня, пей после обеда.

3. Миссис Маркл

Критические замечания миссис Маркл, услышанные им в передаче Олли, всю ночь тревожили сон Гэбриеля, и, когда он, вставши рано утром, подошел к столу и принялся рассматривать починенные накануне вещи, у него не было вчерашней уверенности в себе.

– Может, оно и верно, что я не умею присмотреть за малюткой, – бормотал он себе под нос, укладывая одежду Олли на стул перед ее кроватью, девочка еще спала. – Вещички, правда, крепкие, да и материал отличный, что и говорить, но, пожалуй, староваты, да и, как говорится, из моды вышли. Тебе, бедняжке, конечно, невдомек, – заявил он, адресуясь к кудряшкам и раскрасневшимся во сне щекам почивавшей Олли, – но, наверное, эти пострелята дразнят тебя. Поселок просто кишит новыми людьми, – продолжал размышлять вслух Гэбриель, – целых три семейства за полгода, просто нашествие какое-то. И ко всему – миссис Маркл! – Гэбриель залился краской, хоть и был один в собственном доме. – Подумать только, девчухе нет еще полных девяти лет, а она такое мне толкует об этой вдове! Ну и ну! А я-то из-за Олли даже думать зарекся о подобных делах; и все для того, чтобы не пускать в дом постороннюю женщину, которая станет над ней командовать.

Когда они сели за свой нехитрый завтрак, Гэбриель с беспокойством отметил кое-какие странности в туалете Олли, ранее не привлекавшие его внимания; смутили его и манеры сестры.

– Как правило, Олли, – начал он осторожно, – как правило, воспитанные маленькие девочки не сидят на стуле верхом и не подтягивают каждые пять минут ушки своих сапог.

– Как правило, Гэйб, маленькие девочки не носят сапог, – возразила Олли, подбирая оставшийся на сковороде соус большим ломтем хлеба.

Искусно обойдя вопрос, являются ли высокие резиновые сапоги обязательной частью туалета маленьких девочек, Гэбриель перешел к другому вопросу.

– Думаю, не заглянуть ли мне к миссис Маркл по пути в Лощину? – сказал он весьма непринужденно, стараясь уловить выражение лица сестры, точнее, той его части, которая виднелась из-за большого ломтя хлеба.

– И меня возьми, Гэйб.

– Нет, – ответил Гэбриель. – Ты останешься дома и сделаешь генеральную уборку. Пока не кончишь, даже и не думай идти гулять. Кроме того, у меня с миссис Маркл будет деловой разговор.

– Ах, Гэйб! – воскликнула Олли, расцветая хитрейшей улыбкой, обильно приправленной жирным соусом.

– Интересно знать, чему ты так радуешься, Олли? – спросил Гэбриель строго и с достоинством.

– Постыдился бы ты, Гэйб!

На эту дерзость Гэбриель не счел нужным отвечать. Он поднялся, собрал свое рабочее снаряжение и надел шляпу. Дойдя до двери, он вдруг повернулся и подошел к сестре.

– Олли, – сказал он, беря ее ладонями за обе щеки, как делал это всегда, прощаясь с ней. – Если со мной что-нибудь стрясется, я хочу, чтобы ты знала, моя крошка, что я всегда старался, чтобы тебе было хорошо. Лишь бы тебе было хорошо!

Олли сразу решила, что Гэбриель надумал сегодня мыть золото в реке.

– Держись подальше от омута, Гэйб! – сказала она, и ее короткая верхняя губка слегка дрогнула.

– Да, омут хоть куда! – сказал Гэбриель. – Только ты не тревожься, – поспешно добавил он, поглядев на перепуганное личико сестры, – со мной ничего худого не приключится. До свидания.

Он ласково обнял ее. Олли погладила его по русым волосам, ловко расчесала ему бороду и заново перевязала шейный платок.

– Что же ты не переменял рубашку, Гэйб? – сказала она. – Пойдешь в грязной рубашке к миссис Маркл! погоди, Гэйб, я достану твою соломенную шляпу. Одну минутку!

Она побежала за занавеску. Но, когда вернулась, Гэбриеля уже не было.

Ночью прошел дождь. Сейчас земля была свежа, как после только что-выпавшей росы, а синева неба разукрашена бегущими облаками (это редкое зрелище доступно жителям Калифорнии лишь в период дождей). Гэбриель, обычно мало чувствительный к метеорологическим переменам, а равно и к красотам природы, сегодня не смог противостоять прелести раннего утра; по этой причине, как мне кажется, он оказался более восприимчивым и к прелестям жизни вообще. Так оно и бывает: вы заглянулись на деревце, потом на цветок, на солнечного зайчика – и вот, сами того не ведая, уже готовы капитулировать перед чарами прекрасного пола. Нет, держитесь жизненной прозы, в этом ваше спасение! Так, наслаждаясь красотами местной природы и предвкушая встречу с богиней здешних мест, Гэбриель подошел к коттеджу миссис Маркл и тут же узрел в заставленном грязной посудой кухонном окне ее энергичную румяную физиономию.

В этот ответственный момент миссис Маркл допустила в своем поведении одну из тех нелогичностей, которые, вообще говоря, чаруют мужчин, но на некоторых представителей мужского пола оказывают противоположное действие. Обычно Гэбриель бывал робок с миссис Маркл; она же вела себя с ним естественно и сердечно. Сегодня, увидев, что Гэбриель идет к ней с приветливым видом, она почему-то решила встретить его в штыки. Для пользы других представительниц женского пола я приведу ее монолог дословно:

– Если вы пришли ко мне, Гэбриель Конрой, – заявила миссис Маркл, стирая мыльную пену со своих загорелых, но довольно красивых рук, – придется вам подойти прямо к лохани, потому что я мою посуду. Помню, Джо Маркл всегда твердил мне: «Когда ты занята делом, Сью, не разбрасывайся мыслями по сторонам». Ну-ка, Сол, притащи табуретку для Гэбриеля, он у нас не частый гость, пусть присядет. Мы с тобой работающие женщины, Сол, у нас нет времени, чтобы хворать, а мистер Конрой ведь только к хворым и ходит!

Сколь ни был Гэбриель поражен насмешливыми словами миссис Маркл, он нашел в них нечто для себя утешительное. «Олли ошиблась, – сказал он себе, – голова у этой женщины занята только посудой да заботами о постояльцах. А если так, если она не станет приставать ко мне и будет спокойно заниматься своим заведением, что ж, тогда и жениться не страшно. Но как проверить это! Бабы так ненадежны! Во всяком случае, Олли ошиблась».

Не ведая, к своему счастью, о стратегических планах, бродивших в голове молчащего Гэбриеля, миссис Маркл продолжала свой монолог, не оставляя в то же время и мыть посуды и попеременно обдавая Гэбриеля то мыльной пеной, то переливающимся через край красноречием.

– Когда я говорю «работающие женщины», Сол, – сказала миссис Маркл, по-прежнему адресуясь к костлявой своей служанке, которая, стоя спиной к хозяйке, вытирала посуду, хихикала и глазела на Гэбриеля, – когда я говорю «работающие женщины», я не забываю, конечно, о том, что бывают на свете мужчины, которые работают побольше нас с тобой и на таких, как мы, и глядеть не хотят.

Тут миссис Маркл разбила тарелку, чуточку помолчала, вздохнула, обернулась, вся пунцовая, сверкнув своими черными глазами, и объявила, что она сегодня «вся на нервах» и совсем не может работать. Наступило неловкое молчание. По счастью для Гэбриеля, костлявая Сол, по-прежнему стоявшая спиной к своей хозяйке, подхватила прерванную было нить разговора. Гэбриеля она при этом полностью игнорировала и обращалась, по всей видимости, к стенке.

– Да как же тебе не быть на нервах, Сьюзен, когда у тебя на руках сорок человек постольцев, не считая проезжих? Да кто же тебе даст отдохнуть, Сьюзен, разве только ревматизм тебя расшибет, так что ты и пальцем шевельнуть не сможешь? Или умрет у тебя кто в семье; может быть, тогда твои друзья забеспокоятся и придут тебя навестить. Да ведь от такого кашля, что мучает малютку Манти уже шестую неделю, другая мать сама наверняка схватила бы нервную горячку.

С виноватым чувством Гэбриель припомнил, что, встретив только что Манти, хлопавшую в луже возле дома, он невольно подумал, уж не готовит ли его судьба в отчумы к девочке. Теперь, когда стало очевидно, сколь недостойн он занять это положение, он почувствовал себя самозванцем и сильно оробел. Смущение Гэбриеля проявилось в характерной для него форме: он вытащил из кармана маленький гребешок и принялся, растерянно улыбаясь, расчесывать свою русую шевелюру. Вдова, наблюдавшая это зрелище не впервые, истолковала смущение Гэбриеля в свою пользу. Сердце ее дрогнуло. Неким телепатическим путем чувства миссис Маркл передались и ее служанке.

– Ты сегодня совсем не в настроении, Сьюзен. Послушай-ка меня, глупую, брось ты эту посуду да посиди часок в гостиной, побеседуй с Гэбриелем, если только он не пришел сюда, чтобы разжиться у нас каким-нибудь хозяйственным советом. Я про себя скажу, не могу я работать, когда мужчина топчется рядом. Нет, уж вы увольте меня, а я как-нибудь домою посуду; недаром говорится, где двое – компания, там третий лишний! А ну-ка, отдай мне свой фартук. Так заработалась ты, Сью, что и не приглядишь за собой. Ну что у тебя с волосами!

Признав таким образом, до известной степени, присутствие в доме Гэбриеля, костлявая Сол предприняла попытку усовершенствовать прическу своей хозяйки, но миссис Маркл игриво уклонилась, заявив, что у нее совсем нет времени заниматься такими пустяками.

– Да и что в них хорошего? Грива, да и только! – заявила она с суровой самокритичностью. – Оставь в покое мои волосы, Сол! Вот видишь, ты добилась своего!

Злокозненная Сол действительно добилась своего. Применяв один из ловких приемов, известных представительницам ее пола, она как бы невзначай распустила прическу своей хозяйки, и черные густые волосы миссис Маркл упали на ее полные плечи. Рассмеявшись, миссис Маркл попыталась укрыться в гостиной, но Сол, истинный автор этого живописного зрелища, задержала ее с тем, чтобы решительно ни о чем не подозревавший Гэбриель мог насладиться представлением до-полна.

– Грива! Выдумаете тоже! – сказала Сол. – Конечно, каждый волен в своем мнении и хвалить самому себя не положено, только, скажу я, не далее как вчера за этим самым столом адвокат Максуэлл любовался на вас, Сью. Вы, задумавшись, несли ему суп, и прядь волос у вас спустилась, чуть что в тарелку ему не угодила, а он и говорит мне, адвокат Максуэлл: «Сол, – говорит он, – немало светских дам во Фриско отдали бы все на свете, только бы иметь такие волосы, как у Сьюзен Маркл...»

Рассказ этот остался незаконченным потому, что миссис Маркл, застыдившись, убежала в гостиную.

– А как вам думается, Гэбриель, к чему клонил адвокат Максуэлл? – спросила Сол, снова принимаясь за посуду.

– Не знаю, – невинно ответил Гэбриель, счастливо избегая хитроумной ловушки, заключенной в заданном ему вопросе, как до этого избег опасного очарования, заключенного в распущенных волосах миссис Маркл.

– А все к тому же. Зачастил он к нам, адвокат Максуэлл, недавно за один только день пять раз забежал перекусить. Вот и сейчас, когда вы шли, я сразу решила, не иначе как он. А Сью, она просто его не замечает, не жалуется Сью слабосильных, – заявила Сол, поглядывая на

богатырские плечи и могучие жилистые руки Гэбриеля. – Как вы ее находите – я вас просто как друга спрашиваю: не похудела ли она за последнее время?

Гэбриель поспешил заверить, что миссис Маркл выглядит превосходно, но его костлявая собеседница только вздохнула и покачала головой.

– Все это обманчиво, Гэбриель! Если бы вы только знали, как бедняжка мучается. Душа у нее не на месте эти дни, а когда у нее душа не на месте, она бьет посуду. Видели, как она только что грохнула тарелку? Может, я не должна вам этого говорить, хоть вы и друг наш и никому не расскажете, а Сью просто убила бы меня, если бы услышала что-либо подобное, такая она гордая у нас, вроде как я сама, – да, может, и говорить-то здесь не о чем, но только скажу вам откровенно, как услышу я бой посуды, точно знаю, пришел Гэбриель Конрой, Последний раз вы приходили, дай бог память, на позапрошлой неделе, и что же – к ужину постояльцам не из чего было чай пить!

– Может, это простудное? – опросил пораженный ужасом Гэбриель, чувствуя, что его худшие опасения подтверждаются, и поднимаясь со стула. – У меня еще осталось немного индийского бальзама; я сбегаю сейчас домой и принесу вам; а то пришлю с кем-нибудь.

Он жаждал сейчас лишь одного – скорее, как можно скорее ретироваться, и, наверное, обратился бы в позорное бегство, но Сол остановила его с таинственным и многозначительным видом:

– Если Сью сейчас вернется, Гэбриель, и не застанет вас здесь, то при ее нынешнем состоянии здоровья, нервном, я сказала бы, состоянии, с ней может случиться все что угодно; я не поручусь за жизнь бедняжки. Если вы сделаете это после всего, что было, после того, что у вас произошло сегодня, она просто умрет.

– А что у нас произошло сегодня? – спросил Гэбриель, обуреваемый смутной тревогой.

– Кто я такая, – загадочно сказала Сол, – кто я такая, чтобы судить других людей, решать, что они делают и почему? Почему одни приходят в гости, а другие их принимают, почему одни бьют посуду, а другие причесывают гребешком волосы, – Гэбриель вздрогнул при этих словах, – и молчат, словно воды в рот набрали? А если женщине самую малость нездоровится и мужчина впадает в такое отчаяние, что готов как сумасшедший бежать ей за лекарством, мне ли решать – значит это что-нибудь или совсем ничего не значит? Про себя я, может быть, и знаю кое-что, но уж другому никому не скажу. Сколько раз говорила мне Сью: «Если уж кто умеет держать язык за зубами, так это ты, Сол». А, вот и вы пожаловали, сударыня! Значит, служанкам время браться за дело, а господам – любезничать.

Едва ли нужно пояснять, что последние слова были обращены к вдове, которая в эту минуту появилась в дверях гостиной в новом ситцевом платье, обрисовывавшем ее формы самым благоприятным образом, и что, именуя свою хозяйку и Гэбриеля господами, Сол желала подчеркнуть особую значительность происходящих событий.

– Надеюсь, я не помешала вам? – лукаво спросила вдова, в притворной нерешительности останавливаясь на пороге. – Если вы не успели еще обсудить ваши личные отношения, я могу и обождать.

– Уж не знаю, что еще может сказать Гэбриель из того, что вам не годится слышать, миссис Маркл, – ответила Сол, подчеркивая своим тоном, что Гэбриель только что доверил ей важную тайну, которую она, щадя его скромность, не решается огласить. – Да и кто я такая, чтобы мне поверяли сердечные тайны?

Трудно сказать, что напугало Гэбриеля сильнее, игривость ли миссис Маркл или суровая риторика Сол, но он поднялся со стула. Он решил бежать, невзирая ни на страшную сцену, которую могла ему устроить миссис Маркл, ни на физические преграды, какие могла воздвигнуть на его пути костлявая Сол. Однако тайное подозрение, что он уже связал себя безвозвратно, смутная надежда, что, объяснившись, он еще сумеет спастись, или же просто притягательная сила нависшей опасности парализовали его решимость и направили

его стопы прямехонько в гостиную миссис Маркл. Миссис Маркл предложила ему сесть, и Гэбриель безвольно опустился в кресло. На кухне Сол оглушительно загремела посудой и запела пронзительным голосом; было очевидно, что она делает это со специальной целью показать, что не подслушивает их нежных излияний; Гэбриель покраснел до корней волос.

Когда вечером Гэбриель вернулся домой, он был молчаливее, чем всегда. На вопросы Олли он отвечал кратко и неохотно. Однако не в обычае Гэбриеля было замыкаться в себе, даже если он был чем-нибудь сильно огорчен, и Олли решила набраться терпения. Когда они закончили свой скромный ужин – в отличие от завтрака он не прерывался критическими замечаниями Гэбриеля, – Олли пододвинула деревянный ящик – свое излюбленное сиденье – поближе к коленям брата и удобно устроилась, положив головку к нему на грудь. Гэбриель раскурил трубку при помощи единственной свечи, освещавшей комнату, затянулся раз или два, вынул трубку из рта и ласково промолвил:

– Олли, из этого ничего не получится.

– Из чего ничего не получится, Гэйб? – спросила хитрая Олли, прекрасно поняв, в чем дело, и задумчиво улыбаясь.

– Да из этой затеи.

– Из какой затеи, Гэйб?

– Из женитьбы на миссис Маркл, – ответил Гэбриель, стараясь принять равнодушный тон.

– Почему? – спросила Олли.

– Она не хочет идти за меня.

– Не хочет? – воскликнула Олли, мгновенно подняв головку и глядя брату прямо в глаза.

Гэбриель не решился на ответный взгляд. Уставившись в пылающий камин, он повторил раздельно и твердо:

– Ни-под-каким-видом.

– Мерзкая старая ведьма, – с сердцем вскричала Олли. – Я бы ей показала!.. Да ведь на всем свете нет никого лучше тебя, Гэйб! Подумать только!

Гэбриель помахал своей трубкой, якобы выражая покорность судьбе, но с таким очевидным довольством, что Олли, заподозрив неладное, спросила:

– А что же она сказала?

– Сказала, – ответил Гэбриель не спеша, – что ее сердце принадлежит другому. Она даже в поэзию ударилась и заявила так:

Никогда не смогу полюбить я тебя,
Потому что другого люблю.

Да, так и сказала. Может быть, я передаю не вполне точно, Олли, но ты, конечно, знаешь, что в такие минуты женщины предпочитают изъясняться стихами. В общем, она любит другого.

– Кого? – спросила Олли в упор.

– Она не назвала его, – ответил застигнутый врасплох Гэбриель, – а я решил, что допытываться будет неудобно.

– Ну и как же? – спросила Олли.

Гэбриель опустил глаза и смущенно заерзал на своем стуле.

– Что как же? – повторил он вопрос сестры.

– Что ты ей сказал? – спросила Олли.

– В ответ?

– Нет, в самом начале. Как ты подошел к этому делу, Гэбриель?

Олли устроилась поудобнее, положила руку под голову и с нетерпением ждала рассказа Гэбриеля.

– В точности, как в таких случаях принято, – ответил Гэбриель, обозначая неопределенным взмахом трубки свою понаторелость в амурных делах.

– А все-таки? Расскажи все с самого начала, Гэйб.

– Могу рассказать, – промолвил Гэбриель, направляя взгляд в потолок. – Видишь ли, Олли, женщины очень застенчивы, и, чтобы иметь у них успех, нужно действовать смело и решительно. Только я переступил порог, я сразу пощекотал Сол под подбородочком – ну, ты понимаешь, – а потом обхватил вдову за талию и чмокнул раза два или три, просто так, чтобы показать, какой я любезный и общительный человек.

– И после всего этого она не захотела идти за тебя замуж, Гэйб?

– Ни за какие коврижки! – с готовностью подтвердил Гэбриель.

– Мерзкая тварь! – сказала Олли. – Пусть ее Манти еще попробует сунуть сюда свой нос! – добавила она, яростно взмахивая кулачком. – А я-то отдала ей нынче самого толстого щенка! Подумать только!

– Нет, Олли, даже не помышляй ни о чем таком, – поспешно сказал Гэбриель. – Никто ничего не должен знать. Это тайна, Олли, наша с тобой тайна; ты ведь знаешь, о подобных делах не рассказывают. К тому же это безделица, сущий пустяк, – добавил он, желая утешить девочку. – Господи Боже, да пока человек найдет себе подходящую жену, ему приходится раз по десять нарываться на отказ. Уж так на свете заведено. Был у меня один знакомый, – продолжал Гэбриель, вступая на путь прямого вымысла, – так ему невесты отказывали пятьдесят раз подряд, а был он куда красивее меня и мог в любой момент вынуть из кармана тысячу долларов и предъявить кому надо. Да что там говорить, Олли, некоторым мужчинам даже нравится, когда им отказывают; в этом есть свой азарт, все равно как искать золото в новом месте.

– Ну и что ты ей сказал, Гэйб? – спросила Олли, возвращаясь с новым интересом к главной теме и пропуская мимо ушей заверения Гэбриеля, что мужчинам нравится, когда женщины отвергают их любовь.

– Я подошел к делу прямо. Сьюзен Маркл, – сказал я, – послушайте-ка меня. Мы с Олли живем на горе, вы с Манти – в лощине, но ведь как поется в песне:

Для тех, кто любят, кто сердцем верны,
Ни горы, ни пропасти не страшны.

Вот я и предлагаю вам, давайте соединимся-ка в одну семью и поселимся вместе. Одно словечко, и мой дом к вашим услугам. Тут я стишков подпустил и вытащил вот эту штучку. – Гэбриель продемонстрировал надетое на мизинец массивное золотое кольцо. – А потом чмокнул ее еще разик и пощекотал Сол под подбородочком. Кажется, все.

– И она отказала тебе, Гэйб? – спросила задумчиво Олли. – После всего этого? Да кому она такая нужна? Уж конечно, не мне.

– Я рад, что ты так думаешь, Олли, – сказал Гэбриель. – Но помни, никому ни единого слова. Вдова думает строиться здесь, на горе, сказала, что хочет купить участок на моей старой заявке, где я работал прошлым летом, чтобы жить к нам поближе и приглядывать за тобой. Так что, Олли, – наставительно сказал Гэбриель, – если она зайдет сюда и станет со мной заигрывать, как прежде бывало, ты уж не вмешивайся; от женщин приходится многое терпеть.

– Чтобы ее ноги здесь не было! – сказала Олли.

Гэбриель поглядел на Олли с видом одновременно виноватым и торжествующим и привлек ее к себе.

– Теперь, когда с этим покончено, Олли, – сказал он, – я вижу, что нам с тобой живется отлично. Так мы и будем с тобою жить, мирно да ладно. Я вчера потолковал кое с кем из друзей насчет того, чтобы выписать сюда учительницу из Мэрисвилла; миссис Маркл тоже согласна, что это дело нужное. Тогда, Олли, ты у меня пойдешь в школу. А на будущей неделе я съезжу в Мэрисвилл и куплю тебе там несколько новых платьев. Вот когда заживем, Олли! А потом, пройдет немного времени – ты и подозревать даже не будешь, это случится вдруг, вроде сюрприза, – наткнусь я на богатую жилу на нашем участке, и мы с тобой разбогатеет. Здесь непременно должна быть богатая жила, Олли, это уж ты можешь мне поверить. А тогда мы с тобой покатаем в Сан-Франциско, купим там большой-пребольшой дом и позовем в гости маленьких девочек, самых лучших маленьких девочек во всем Сан-Франциско, и ты будешь с ними играть. А потом пригласим учителей тебя учить и гувернанток – за тобой смотреть. Вот тогда, может быть, я попробую еще разок посвататься к миссис Маркл.

– Ни за какие коврижки, – сказала Олли.

– Нет так нет! – согласился хитрый Гэбриель, весело поблескивая глазами и испытывая легчайшие укоры совести. – А теперь маленьким девочкам пора в кроватку.

С таким напутствием Олли удалилась, забрав с собой их единственную свечу и оставив брата докуривать трубку при свете гаснущих углей. Но девочке не спалось. Когда она через полчаса выглянула из-за занавески, то увидела, что Гэбриель все еще сидит у очага, опустив голову на руки, с докуренной трубкой во рту. Тихонько подкравшись, она обняла его; Гэбриель, вздрогнул от неожиданности, и девочке что-то капнуло на руку – вроде капли воды.

– Горюешь об этой женщине, Гэйб?

– Нет! – со смехом ответил Гэбриель.

Олли поглядела на свою руку. Гэбриель уставился в потолок.

– Не иначе как крыша у нас протекает в этом месте. Завтра непременно починю. Иди спать, Олли, не то простудишься насмерть.

4. Коварного Гэбриеля начисто разоблачают

Невзирая на внешнюю беззаботность и на то, что на душе у него действительно полегчало, Гэбриель далеко не был удовлетворен итогами своего визита к миссис Маркл. Что бы там ни происходило – а читатели вынуждены судить об этом лишь по известной нам беседе Гэбриеля с Олли, – во всяком случае, дело не было решено так просто и окончательно, как он пытался это представить. День-два Гэбриель стойко пресекал попытки Олли возобновить неоконченный разговор, а на третий день, сидя в баре «Эврика», сам завел с одним из старателей беседу, которая, по всей видимости, касалась волнующего его вопроса.

– Слышал я, – начал издали Гэбриель, – в газетах много пишут сейчас про суды над женихами, которые будто бы нарушили обещание жениться. Думается мне – если взглянуть на дело здраво, – пусть парень и поухаживал слегка, вины в том большой нет. Как ты считаешь?

Собеседник Гэбриеля, который – если верить слухам, – удалился в Гнилую Лощину, спасаясь от злой жены, с проклятием возразил, что все женщины – набитые дуры и доверять им вообще не приходится.

– Все-таки должен быть на этот счет справедливый закон, – сказал Гэбриель. – Вот представь себе, что ты присяжный и слушаешь подобное дело. Случилось это с одним моим приятелем во Фриско, – небрежно добавил Гэбриель. – Ты его не знаешь. Была у него знакомая, ну, скажем, вдова, которая обхаживала его года два или три, а он о женитьбе ни гугу. В один прекрасный день отправляется он к ней в гости, ну просто так, поразвлечься и приятно время провести.

– Пиши пропало! – воскликнул циничный собеседник Гэбриеля.

– Да, – сказал задумчиво Гэбриель, – может, так оно и кажется со стороны, но на самом деле у него не было на уме ровно ничего худого.

– Так что же у них произошло? – спросил советчик.

– Ничего, – сказал Гэбриель.

– Ничего?! – возопил с негодованием его друг.

– Ровным счетом ничего. И теперь эта женщина хочет подать на него в суд, чтобы он на ней женился.

– Хочешь знать мое мнение? – коротко спросил советчик. – Так слушай. Во-первых, твой приятель болван; во-вторых, лгун бессовестный. Что бы с ним ни случилось, поделом ему! Вот мое мнение!

Гэбриель был так подавлен этой резолюцией, что удалился, не промолвив ни слова. Беспокойство его, однако, не утихло, и попозже, днем, сидя в компании курильщиков в лавке Бриггса, он несколькими ловкими ходами перевел общую беседу на обсуждение вопросов Жениховства и брака.

– Есть тысяча разных способов ухаживать за женщиной, – безапелляционно заявил Джонсон, бегло обрисовав, каким именно путем он добился взаимности у своей последней дамы сердца, – тысяча способов, потому что каждый мужчина на свой образец и каждая женщина тоже на свой образец. Что подходит одним, не подходит другим. Но существует способ, перед которым не устоять ни одной женщине. Прикинься равнодушным, ничем не показывай, что она тебе нравится. Можешь даже позаботиться о ней самую малость, если есть охота – ну, вроде того, как наш Гэйб заботится о своих пациентах, – про любовь же ни словечка. И так гни свою линию, пока она не поймет, что у нее нет иного выхода, как самой объясниться тебе в любви. Ты что это, Гэйб, уходить собрался?

Гэбриель, который поднялся со своего места в очевидном смятении, пробормотал что-то насчет позднего времени, но потом снова уселся, не в силах отвести глаз от Джонсона, словно тот его загипнотизировал.

– Против этого способа женщины бессильны бороться, – продолжал Джонсон, – и за мужчинами, которые им пользуются, нужно следить в оба. Я бы даже преследовал их по закону. Ведь это значит играть на самых святых чувствах! Ловить надо таких молодчиков, ловить и разоблачать!

– Ну а если тот человек не задумал ничего худого, если у него просто характер такой, – жалобно сказал Гэбриель. – Он, может, и к женщинам не привержен, и жениться совсем не хочет, – просто такая у негр повадка.

– Черта с два повадка! – сказал неумолимый Джонсон. – Нас-то ему не провести! Хитрющая bestия – не сомневайся!

Отклонив все уговоры повременить, Гэбриель не спеша поднялся, направился к двери и, промолвив что-то о дурной погоде (нарочито небрежным тоном, чтобы показать, что спор ни в малейшей мере не взволновал его), пропал за пеленой дождя, который лил не переставая вторые сутки и успел превратить единственную улицу Гнилой Лощины в бурлящий желтый поток.

– Гэйб сам не свой сегодня, – сказал Джонсон. – Утром я слышал, что его разыскивает адвокат Максвелл. Что-то у него стряслось. Гэйб – славный парень. Звезд с неба он, конечно, не хватает, зато за больными ходит замечательно, а в поселке, вроде нашего, – это великое дело. Жаль, если он забросит своих пациентов.

– Уж не замешана ли тут женщина? – усомнился Бриггс. – Он, похоже, разволновался, когда ты сейчас заговорил о женщинах. Некоторые считают, – продолжал Бриггс, понижая голос и оглядевшись вокруг, – что Олли, которую он выдает за сестру, на самом деле его дочь. Нячиться, как он с ней, и ночь и день, забыть про баб, про выпивку, про карты, про друзей, – на это пойдешь только ради родной дочери. Не встречал я таких любящих братьев!

– Да и вся эта история про Голодный лагерь и тому подобное не очень-то похожа на правду, – вмешался один из собеседников. – Лично у меня всегда были сомнения.

– Что бы там ни случилось – его забота, – подвел итоги Джонсон, – и меня несколько не касается. Бывало, конечно, что я говорил Гэйбу, кто чем захворал и даже давал некоторые полезные советы, как кого лечить, но я не стану попрекать его этим, даже если он и влопался в какую-нибудь нехорошую историю.

– Скажу со своей стороны, – добавил Бриггс, – что если я позволял ему приходить ко мне и лечить больного мексиканца, это вовсе не значит, что я взял на себя поручительство за его нравственность.

Приход в лавку покупателя прервал дальнейшее обсуждение моральных качеств Гэбриеля.

Между тем злосчастный объект этой дискуссии пробирался по улице, прижимаясь к стенам домов, чтобы спастись от пронзительного ветра, пока не вышел на тропу; тропа сперва сбегала вниз, в лощину, а потом поднималась по противоположному склону холма прямо к его хижине. Гэбриель остановился. Спускаться можно было, только пройдя возле самого пансиона миссис Маркл. Но не значило ли это – в свете только что услышанного – подвергнуть себя новой опасности, бросить безрассудный вызов судьбе. Взбодораженному воображению Гэбриеля представилось сперва, как вдова и Сол совместно набрасываются на него и заставляют зайти к ним в гости, потом другая устрашающая картина – как он пытается проскользнуть незамеченным и вызывает тем приступ истерики у миссис Маркл. Попасть домой можно было и другим путем, обойдя лощину по гребню горы; это значило, правда, сделать крюк в три мили. Недолго раздумывая, Гэбриель зашагал в обход.

Задача была нешуточной; идти Гэбриелю приходилось все время против ветра, дождь хлестал ему прямо в лицо. Зато трудности пути, требовавшие от нашего героя напряжения всех физических сил, захватили его внимание и помогли отвлечься от нелепых страхов. Когда Гэбриель добрался до гребня, он впервые по-настоящему увидел, что успели натворить дожди, шедшие без малого уже неделю. Неприметный горный родничок, из которого всего две недели тому назад, гуляя с Олли, он напился свежей воды, – превратился в водопад; ручей, через который они оба перескочили без труда, стал бурлящей рекой; в низинах прямо на глазах росли и ширились озера; а дальняя долина сплошь была залита поблескивающей водой. В ушах звенело от бульканья и журчания.

Через полчаса, когда Гэбриель уже одолел не менее двух третей своего пути, перед ним открылось узкое обрывистое ущелье, по которому проходил почтовый тракт из Уингдэма в Мэрисвилл. Подойдя поближе, Гэбриель увидел, что горная речушка, протекавшая вдоль почтового тракта, вздулась до самых берегов и кое-где залила дорогу.

– Сегодня езда здесь будет невеселая, – пробормотал Гэбриель, раздумывая об уингдэмском дилижансе, который вот-вот должен был появиться из-за поворота, – опасная будет езда; а особенно если лошади попадутся пугливые. Впрочем, это не самое страшное испытание, какое может выпасть человеку, – прибавил он, обращая мысль к миссис Маркл. – И я хоть сейчас поменялся бы местами с Юба Биллом; сел бы вместо него на козлы, а Олли посадил бы в дилижанс.

Но тут внимание Гэбриеля привлекла открывшаяся его взору уингдэмская плотина, и в то же мгновение он не только полностью забыл о миссис Маркл, но вообще как бы стал совсем другим человеком. Что там приключилось? Для неискушенного взора – ничего страшного. Правда, водохранилище было переполнено и вода с ревом бежала через водосброс. Ну и что же? Даже специалист и тот сказал бы, что сток лишней воды ничем не угрожает плотине. Так в чем же дело? А дело было в том, что примерно посередине грубо сложенного глинобитного тела плотины просачивалась вода и узкой струйкой изливалась на низлежащие утесы и на почтовый тракт в каньоне. Плотина была размыва!

Для человека отважной души не могло быть сомнения в том, как поступить. Куртку и всю лишнюю одежду долой! Вниз – со скалы, цепляясь за камни, за выскальзывающийся из рук чимизаль и полусгнившие корни деревьев! Вниз в каньон, рискуя на каждом шагу положить себе руку или ногу, а то и совсем лишиться жизни. А потом – во весь дух по почтовому тракту навстречу дилижансу, пока он еще не въехал в узкое ущелье! Но, чтобы выполнить все это с самой малой затратой энергии – о, как она ему еще будет нужна! – с самой тщательной экономией физических сил, с изяществом горца и мощью исполина, чтобы выполнить это безупречно и четко, без единого промаха, словно не под влиянием минуты, а после длительной специальной тренировки, – нужно было быть Гэбриелем Конроем. А если бы вы увидели его, когда, спустившись вниз, он перешел на широкий размашистый бег, пригляделись к его невозмутимо серьезному, даже не тронутому волнением лицу, к исполненному спокойной решительности взгляду, наверно, сказали бы: это какой-то могучий великан, надумав поразмяться, свершает свой привычный моцион.

Не успел Гэбриель пробежать и полумили, как уловил своим чутким ухом дальний рев воды. Но и тогда он только чуть ускорил свой ровный бег, словно повинаясь команде тренера, а не угрозе смерти. Впереди раздалось цоканье подков, и в ту же минуту стало слышно, как возница заворачивает дилижанс, ибо предостерегающий крик Гэбриеля обогнал его самого, подобно выпущенной пуле. Увы, слишком поздно! Ревущей поток обрушился сзади на Гэбриеля и понес его, а в следующее мгновение вода подхватила и почтовую карету вместе с лошадьми, сбила их в один огромный черный клубок и швырнула к каменной стене каньона. Вот когда понадобились столь тщательно сэкономленные силы Гэбриеля! Когда водяная громада настигла его, он и не подумал сопротивляться ее бешеной энергии,

отлично зная, что это бесполезно. Он отдался на волю волн, пока не приметил прямо над головой куст чимизаля, растущий на стене каньона. Ухватившись за него, он могучим усилием вырвался из кипящего водоворота. Почтовой кареты он не увидел, но на том месте, где она недавно стояла, то исчезая из виду, то появляясь вновь, боролись с течением несколько человек; среди них была женщина. Долго не раздумывая, Гэбриель кинулся в желтые волны. Сильно загребая, он подплыл к женщине и обнял ее за талию, чтоб помочь ей держать голову над водой. В эту минуту один из утопающих схватил его за другую руку. Гэбриель не оттолкнул его.

– Держи меня за пояс, и я вытащу вас обоих! – крикнул он, высвобождая руку и стараясь достать до куста чимизаля. Когда ему удалось это, он подтянулся, вцепился в куст зубами, а затем, стиснув челюсти, повис в воздухе и вытащил за собой из воды обоих спасенных. Едва успели они ухватиться за куст, как послышался зловещий рев, и новая мутно-желтая водяная лавина ворвалась в каньон. Куст чимизаля подался под тяжестью трех человек. Пальцами одной руки Гэбриель врылся в почву у корней чимизаля, добираясь до каменистого основания, другой же рукой как можно крепче прижал женщину к каменной стене каньона. Когда волна накрыла их с головой, раздался отчаянный вопль и затем всплеск: их сотоварищ исчез. Остались Гэбриель и женщина.

Они спаслись, – надолго ли? Левая рука Гэбриеля, цеплявшаяся за неровности каменной стены, была их единственной опорой. Впервые за эти минуты Гэбриель взглянул на женщину и спросил, запинаясь:

– Можете вы продержаться еще немножко?

– Да.

Несмотря на ужас их положения, таинственная сладость в голосе женщины поразила его.

– Обнимите меня за шею и держитесь как можно крепче.

Она повиновалась. Почти не ощутив веса повисшей на нем женщины, Гэбриель стал осторожно нащупывать освободившейся правой рукой хоть какой-нибудь уступ в каменной стене. Разыскав его наконец, Гэбриель могучим усилием подтянулся вверх и поставил ноги в отверстие, образовавшееся на месте вырванного с корнем куста чимизаля. Потом сделал передышку.

– Еще можете немного продержаться?

– Поднимайтесь, – ответила она.

Гэбриель стал подниматься. Он отыскал второй выступ, потом еще и еще, пока наконец не добрался до карниза в фут шириною, почти у самой вершины утеса. Он остановился, чтобы перевести дух. Теперь заговорила женщина:

– Вы сумеете добраться до вершины?

– Да... если только вы...

– Поднимайтесь, – спокойно сказала она.

Тщательно измеряя свои движения, Гэбриель возобновил подъем. Через несколько минут он был на вершине. Тут пальцы женщины вдруг разжались и она скользнула было вниз, но Гэбриель поддержал ее, взял на руки и понес на полянку, которую сваленная кем-то сосна устлала мягким ковром из высохшей хвои. Здесь он опустил ее на землю, проявив при этом ту необыкновенную нежность в каждом движении, которую выработал за многие годы ухода за слабыми и больными и которая стала как бы его второй натурой. Она грациозно поблагодарила его, показав при этом очаровательные белые зубки, и так взглянула на него своими темно-синими глазами, что Гэбриель не мог не ответить ей взглядом. Это была миниатюрная блондинка, одетая изящно и по моде, того типа и того круга, который Гэбриелю был совершенно незнаком. Если не считать улыбки, женщина показалась ему некрасивой. Продолжая улыбаться, она вдруг побелела и потеряла сознание.

В ту же минуту Гэбриель слышал голоса и, оглянувшись, увидел двух приближающихся к ним пассажиров дилижанса, спасшихся, как видно, тем же способом, что и они. И тут – не знаю даже, как рассказать об этом, – Гэбриеля охватил внезапный страх, что он снова попал в какую-то запутанную и рискованную историю. Что подумают эти люди? Да и поверят ли они его рассказу? С отчаянием он вспомнил недавний разговор у Бриггса; потом перед его мысленным взором продефилировали костлявая Сол и дебелая миссис Маркл; потом вопрошающие глаза малютки Олли глянули ему прямо в душу, и наш герой, наш победоносный гигант повернулся и... пустился наутек.

5. Простодушие против хитрости

Когда Гэбриель пришел домой, было уже темно; Олли, сильно встревоженная, ждала его.

– Ты вымок насквозь, противный Гэйб, и весь в глине к тому же. Скорее переодевайся, не то простудишься насмерть, грешная твоя душа!

Гэбриель был несколько озадачен тоном полученного выговора, но так обрадовался, что Олли ни о чем его не расспрашивает, что решил пропустить ее дерзость мимо ушей. Вернувшись из-за занавески в сухом платье, он, к своему изумлению, увидел в ярком свете новой свечи, что Олли с той поры, как он утром оставил ее, претерпела некое волшебное превращение. Лицо и руки ее поражали необыкновенной белизной, золотистые локоны были перехвачены яркой розовой лентой. Немалые перемены произошли и в ее наряде: она надела старенький кружевной воротничок, извлеченный из хранившегося в вещевом мешке материнского «гардероба», и повязала на шею пунцовый бантик.

– Если я не ошибаюсь, – весело сказал Гэбриель, – одна девочка, которую я хорошо знаю, тоже переделалась и к тому же подзанималась своим туалетом. Уж не свалилась ли ты без меня в канаву, Олли?

– Даже не думала, – с достоинством возразила Олли, накрывая стол к ужину.

– Но я ни разу не видел тебя такой нарядной, Олли. Не приходил ли кто к нам? – спросил Гэбриель, испытывая внезапную тревогу.

– Никого здесь не было, – сказала Олли. – Уж не воображаешь ли ты, что я не могу нарядиться сама и нуждаюсь в помощницах вроде... Сьюзен Маркл?

Парфянская стрела застала Гэбриеля врасплох.

– Видишь ли, Олли, – сказал он, – тебе не следует так относиться к этой женщине. Ты ведь еще ребенок. Даже если твой брат и рассказал тебе кое-что по секрету, как это водится между родственниками, ты не должна давать волю языку.

– Давать волю языку! – негодуя воскликнула Олли. – Да я с этой женщиной ничего общего иметь не желаю! Подумать только!

Взирая на сестру с почтительным восхищением, Гэбриель подумал в глубине своей совестливой души, что, пожалуй, не заслужил столь отважной защиты. На минуту он даже решил было рассказать ей всю правду, но удержался из страха разочаровать Олли, а также желая еще немножко понежиться в лучах ее сочувствия. «И кроме того, – подумал он, делая важное открытие, – это еще может пойти ей на пользу. Взгляни на этот воротничок, Гэбриель! Взгляни на ленту в волосах! Сколько раз ты говорил ей правду без малейшего толка. Один раз соврал, и малютку – не узнать!»

Сумрачные мысли, навеянные дневными разговорами, все же не оставляли Гэбриеля. Когда Олли кончила есть (Гэбриель заметил, как она железным усилием воли поборола желание вытереть хлебом оставшуюся на сковороде подливку), он спросил ее весьма серьезно:

– Скажи, Олли, если тебя спросят, ухаживал я за миссис Маркл или нет, что ты ответишь?

– Что я отвечу? – свирепо повторила Олли. – Отвечу, что если была когда на свете женщина, бегавшая за мужчиной, который и знать-то ее не хотел, то это, конечно, миссис Маркл, мерзкая старая Сьюзен Маркл. Я скажу ей это прямо в глаза.

Гэбриель был в полном восторге.

– Когда сюда приедет учительница, поухаживай за ней, Гэйб!!

– Олли! – вскричал скандализированный Гэбриель.

– Да, поухаживай за ней. Так же, как ухаживал за Сьюзен Маркл. А лучше всего, сделай это, когда миссис Маркл будет поблизости, или так, чтобы вас увидела Манти; она побежит и

расскажет матери; она обо всем ей рассказывает. Я слышала, Гэйб, что учительницы бывают прехорошенькие.

Гэбриелю очень хотелось чем-нибудь вознаградить Олли; он даже решил было поведать ей о сегодняшнем приключении в каньоне, но его остановила мысль, что Олли может потребовать, чтобы он немедленно предложил руку и сердце спасенной им женщине. В это время раздался стук в дверь.

– Совсем позабыла, Гэйб, к тебе сегодня приходил адвокат Максвелл, – воскликнула Олли. – Наверно, это он. Если он попросит тебя опять за кем-нибудь ходить, не соглашайся. У тебя за мной смотреть и то не хватает времени.

Гэбриель встал с растерянным видом и открыл дверь. Вошел высокий смуглый бородатый человек; борода его была сильно тронута проседью. Хотя одежда его и общая манера вести себя отвечали местным обычаям, нечто и в одежде и в манерах пришельца показывало, что он стоит выше среднего уровня Гнилой Лощины. Не в пример недавнему вечернему посетителю, он не стал оглядывать дом Гэбриеля, а сосредоточил острый взор своих полунасмешливых-полувопрошающих глаз прямо на лице хозяина. Выражение его собственного лица было степенным, если не считать нервного подергивания в левом уголке рта, которое прекращалось, когда адвокат слегка проводил рукой по лицу. Впечатление было такое, что он смахивал улыбку, как другие смахивают набежавшую слезу.

– Мы, кажется, никогда не встречались, Гэбриель, – сказал он, подходя к хозяину дома и протягивая ему руку. – Меня зовут Максвелл. Должно быть, вы слышали обо мне. Нам с вами придется обсудить небольшое дельце.

Испуг на лице Гэбриеля не укрылся от взора адвоката; заметил он и то, что Гэбриель сделал знак Олли уйти. «Как видно, я застал его врасплох, – подумал адвокат. – Либо он скрыл все от девочки, либо не успел ее подготовить».

– Насколько я понимаю, Гэбриель, – сказал адвокат вслух, – ваша маленькая... гм... девочка тоже имеет отношение к нашему делу. Не лучше ли ей остаться?

– Нет, нет! – сказал Гэбриель, теперь уже полностью уверенный, что Максвелл пришел к нему как юридический представитель оскорбленной миссис Маркл. – Нет! Беги, Олли, набери щепок в сарае, чтобы было чем завтра развести огонь. Живее!

Олли повиновалась. Максвелл поглядел девочке вслед, провел рукой по лицу и, облокотившись на стол, устремил взгляд на Гэбриеля.

– Я пришел, Гэбриель, во-первых, чтобы спросить вас, не склонны ли вы покончить дело с миром, и, во-вторых, чтобы посоветовать вам, как адвокат противной стороны, сделать это без лишних проволочек. Буду с вами откровенен, у меня на руках все необходимые бумаги, чтобы возбудить против вас судебное дело. Желаете ли вы, чтобы я изложил вам существо иска, и надо ли называть вам имя истца?

Гэбриель понурил голову. Но и в эту минуту сказалось прямодушие его натуры. Взглянув в лицо адвокату, он сказал просто:

– Нет!

Адвокат Максвелл был чуть-чуть ошеломлен. Чуть-чуть, не больше.

– Отлично, – задумчиво промолвил он, – я вижу, вы человек прямой. Теперь следующий вопрос: не угодно ли вам, дабы избежать судебной процедуры, неприятной огласки и сплетен – а в том, что суд вынесет неблагоприятное для вас решение, сомнений быть не может, – не угодно ли вам просто покинуть этот дом и участок с тем, чтобы стоимость их пошла в счет убытков, причиненных вами истцу. Если вы не против, я уполномочен пойти на такое соглашение. Я даже гарантировал бы вам, что в этом случае мы не затронем вопроса о личных взаимоотношениях. Короче говоря, вы сохраняете свое имя, она – свое и остаетесь чужими друг другу. Как вы на это смотрите?

Гэбриель вскочил со стула.

– Вы добрый человек, мистер Максуэлл, – сказал он, сжимая руку адвоката своими могучими лапами, – благородный человек. Как великолепно вы справились с этим прискорбным делом! Вы не смогли бы защитить меня лучше, даже если бы были моим адвокатом. Я уеду немедленно. Я ведь думал об отъезде с той самой минуты, как это дело заварилось. Я уеду завтра же, Оставлю дом и все пожитки. Если бы у меня были деньги, чтобы заплатить вам гонорар, я охотно бы это сделал. Пусть берет себе дом и все, что хочет. И – точка!

– Да, точка, – повторил Максуэлл, с удивлением глядя на Гэбриеля.

– И чтобы никаких не было разговоров, никаких статей в газетах, – продолжал Гэбриель.

– Все, что касается ваших действий по отношению к ней, а равно и вашей роли в этом деле, будет сохранено в полной тайне, если, разумеется, вы не нарушите молчания сами. Эту опасность я, собственно, и имел в виду, когда рекомендовал вам уехать отсюда.

– Да, да я еду завтра же, – сказал Гэбриель, потирая руки. – Не хотите ли вы, чтобы я подписал какое-нибудь обязательство?

– Нет, с какой стати?! – возразил адвокат, проводя рукой по лицу и разглядывая Гэбриеля так, словно тот принадлежал к какому-то совершенно новому, еще неведомому отряду позвоночных. – Я позволю себе дать вам дружеский совет, Гэбриель, никогда не подписывайте никаких бумаг, которые могут быть использованы против вас. Ваш отказ от дома и участка нас вполне удовлетворяет. Я не буду подавать ко взысканию до четверга, а в четверг уже не с кого будет взыскивать. Вы меня понимаете?

Гэбриель кивнул утвердительно и, обуреваемый благодарностью, предпринял еще одну попытку сломать руку адвокату. С трудом оторвав свой взгляд от ясных глаз Гэбриеля, Максуэлл направился к двери. На пороге он задержался, оперся о косяк и, медленно проводя рукой по лицу, сказал:

– Все отзываются о вас, как о честном, порядочном человеке, Гэбриель, и, скажу вам откровенно, если бы вы не признались сами, я никогда не поверил бы, что вы можете дурно поступить с женщиной. Я считал, что произошло какое-то недоразумение. Я давно занимаюсь юридической практикой, многое повидал, и действия людей перестали меня удивлять; я не берусь анализировать людские поступки, не берусь оценивать их с моральной стороны. Но вот сейчас, когда мы с вами достигли взаимопонимания, я хотел бы услышать, что толкнуло вас на этот чудовищный, необыкновенный в своем роде поступок? Повторяю, что бы вы ни сказали, это не изменит моего мнения о вас: я считаю вас неплохим человеком. Я хочу лишь узнать, каковы были ваши мотивы, как могли вы с заранее обдуманном намерением обмануть эту женщину?

Гэбриель густо покраснел. Потом, подняв глаза на адвоката, указал пальцем по направлению к двери. Тот взглянул – на пороге стояла Олли.

Адвокат Максуэлл усмехнулся. «Значит, все-таки замешана женщина, – комментировал он про себя, – хоть и несколько более юная, чем я предполагал; это – его родная дочь, сомнения быть не может». Он покивал, улыбнулся девочке и с чувством профессионального торжества и в то же время морального удовлетворения, которое не всегда сопутствовало его юридическим триумфам, исчез в ночи. Гэбриель отмалчивался допоздна. Но когда Олли заняла свое излюбленное местечко напротив очага у самых ног Гэбриеля, то спросила его прямо:

– Зачем он приходил к тебе, Гэйб?

– Просто так, – ответил Гэбриель, демонстрируя полное равнодушие. – Знаешь, Олли, я хочу рассказать тебе сказку. Давно уже я ничего тебе не рассказывал.

У Гэбриеля был обычай улаживать эти вечерние часы, рассказывая Олли о новостях и событиях, которые он успевал узнать в поселке за день, но облакая их в изысканно-белле-

тристическую форму. Последние дни, занятый тревожными мыслями о миссис Маркл, он позабыл о своих сказках. Сейчас, заручившись согласием Олли, Гэбриель начал:

– В доброе старое время жил да поживал один человек, обыкновенный человек, как все прочие люди, и никого-то у него на свете не было, кроме маленькой сестренки, которую он любил всей душой. И никогда этот человек никому не позволял, как это говорится, встревать в их жизнь, и такая дружба была у них, такая любовь, что просто всем на загляденье.

– Значит, это был обыкновенный человек, не волшебник? – спросила Олли.

– Это был обыкновенный человек, но сестренка у него была фея – я совсем забыл тебе об этом сказать – и своими чарами приносила ему много добра, а он-то даже и не подозревал о ее чудесной силе. И жили они вдвоем во дворце в густом лесу. Но вот однажды случилась у этого человека беда, и он понял, что больше ему в этом прекрасном дворце не жить. «Да, – подумал он, – как же я скажу об этом моей сестренке?» И вот собрался он с духом и говорит: «Глориана – сестренку звали Глорианой, – придется нам с тобой покинуть наш прекрасный дворец и уехать в дальние края, а почему – это тайна, и я не могу тебе ее открыть». А сестренка ему в ответ: «Что годится тебе, братец, то годится и мне, потому что мы с тобой, любим друг друга. Свет велик, разнообразие украшает жизнь, завтра же я соберу свой чемодан». Так она и сделала. А почему, Олли? Потому, что она была феей и понимала все без лишних слов. И они уехали в дальние края, в новые места, построили там дворец еще краше прежнего и жили-поживали, добра наживали до конца своих дней.

– И старая ведьма, вроде миссис Маркл, больше не досаждала им. Когда же мы поедем, Гэйб? – спросила практическая Олли.

– Я думал, Олли, – сказал смущенный Гэбриель, оставляя свои аллегории и не без почтения поглядывая на сестру, – я думал завтра же перебраться к Кейси, чтобы захватить вечерний дилижанс на Мэрисвилл.

– В таком случае, – сказала Олли, – мне пора ложиться спать.

– Олли, – с укором воскликнул Гэбриель, когда крохотная фигурка исчезла за занавеской, – ты не поцеловала меня и не сказала «спокойной ночи».

Олли вернулась.

– Ах ты, старина Гэйб, – покровительственно сказала она, снисходя к брату с высоты своего интеллектуального и морального величия и разглаживая ручкой его спутанную шевелюру. – Милый старый Гэйб, что бы ты стал делать без меня? – И она поцеловала его в лоб.

Наутро Гэбриель с удивлением заметил, что Олли, как только позавтракала, сразу принялась наряжаться, отбирая самые роскошные вещи из своего гардероба. На белое муслиновое платье, ветхое и несколько пожелтевшее от времени, она накинула дешевый ярко-розовый шарфик, сверху же повязала и закрепила огромной черепаховой брошью черную в белую клетку материнскую шаль, такую длинную, что, сколько Олли не подворачивала ее, шаль по-прежнему волочилась по полу. На свою кудрявую головку она надела большую соломенную шляпу, украшенную желто-белыми маргаритками и светло-зелеными лентами, и в довершение всего раскрыла маленький желтый зонтик.

Гэбриель, с очевидной тревогой наблюдавший за приготовлениями прехорошенькой, хоть и несколько фантастической маленькой франтихи, отважился наконец обратиться к ней с вопросом:

– Куда ты собралась, Олли?

– Пойду в лошину, к Ридам, попрощаюсь с девочками. Это неприлично, взять да уехать, ничего не сказав людям.

– Ты только... не подходи близко... к дому миссис Маркл.

Олли презрительно сверкнула синими глазами.

– Подумать только!

Столько решительности было в кратком энергичном ответе девочки, в сжатых губах и в движении бровей, что Гэбриель не промолвил больше ни слова. Молча он следил, как желтый зонтик и широкополая соломенная шляпа с развевающимися ленточками спускались вниз по извилистой тропинке, пока совсем не пропали из виду. И тут Гэбриель вдруг, сам поражаясь своему открытию, понял, насколько вся его жизнь зависит от этого ребенка. В то же время ему открылась впервые некая непостижимая для него особенность в умственном складе и характере девочки, которая и сейчас ощутимо отделяла их друг от друга, в дальнейшем же неминуемо уведет ее прочь, – от одной лишь мысли об этом Гэбриеля охватила такая горечь одиночества, что он с трудом совладал с собой.

Собравшись с духом, он вернулся в хижину и обозрел ее прощальным взглядом. Потом поплелся к своей заявке, расположенной на склоне горы. По пути Гэбриель прошел мимо стоявшего особняком ясеня, не раз привлекавшего его внимание. Рядом с этим лесным великаном все окружающие деревья казались мизерными, но одиночество ясеня рождало всегда томительное, грустное чувство, плохо вязавшееся с очевидной мощью дерева. Ясень был велик не по разуму, его силища была ни к чему, он выглядел таким простаком рядом с окружавшими его щеголеватыми самоуверенными елками и осинами, что Гэбриель поневоле должен был признать свое сходство с ним и задуматься над тем, не пора ли ему приискать себе для жилья место, где он меньше разнился бы от прочих людей. «Если бы я в свое время нашел такое местечко, – подумал Гэбриель, – может быть, я устроил бы свою жизнь получше, чем сейчас, и малютке веселее жилось бы со мной». Пробравшись через кустарник, он вышел к месту своей первой заявки, занятой им сразу по прибытии в Гнилую Лощину. Место было унылое и мало обнадеживающее: высоко вознесшийся каменный склон, усеянный черными валунами. Гэбриель горько усмехнулся. «Не знаю, где они найдут второго олуха, который станет искать здесь золото. Пожалуй, оно и к лучшему, что меня гонят прочь». С такими мыслями Гэбриель повернул и стал спускаться в лощину к месту своей второй заявки, дававшей ему скудный доход, размеры которого определяются старательской поговоркой: «На хлеб да кашу».

Было три часа дня, когда он, собрав рабочий инструмент, вернулся в хижину. Слегка покрасневшая от волнения Олли была уже дома, но никаких приготовлений к отъезду Гэбриель не заметил.

– Я вижу, ты еще не начала паковать, Олли, – сказал он, – впрочем, паковать-то особенно нечего.

– Ничего не нужно паковать, Гэйб, – заявила Олли, смело глядя в глаза смущенному великану.

– Как так не нужно паковать? – спросил Гэбриель.

– Совершенно не нужно, – подтвердила Олли решительным тоном. – Мы никуда не уезжаем, Гэбриель, это уже решено. Я ходила к адвокату Максуэллу, и мы обо всем договорились.

Потеряв дар речи, Гэбриель плюхнулся на стул и в изумлении уставился на сестру.

– Мы договорились, Гэбриель, – холодно подтвердила Олли, – сейчас я тебе все расскажу. Утром я зашла к адвокату и выложила напрямик, что я думаю о поведении миссис Маркл. Это решило дело.

– Помилуй бог, Олли, что же ты ему сказала?

– Что сказала? – откликнулась Олли. – Да все, что мне известно об этой женщине; ты ведь и половины не знаешь! Как она стала заигрывать с тобой с первой же минуты, еще когда ты лечил ее покойного мужа. Как ты не замечал ее, пока я тебе о ней не сказала. Как она повадилась ходить к нам, сидела возле тебя целыми часами и глаза вот так таращила, – тут Олли изобразила, как миссис Маркл делала Гэбриелю глазки, причем с неподражаемым искусством, которое непременно привело бы в ярость почтенную даму, Гэбриеля же заста-

вило вспыхнуть до ушей, – и как она из кожи лезла вон, только бы зазвать тебя к себе, а ты все отказывался. И еще рассказала, какая она лживая, мерзкая, бесстыжая старая бестия.

Задохнувшись, Олли замолчала.

– И что же он ответил? – спросил Гэбриель, тоже задыхаясь от волнения.

– Сперва ничего. А потом стал смеяться и смеялся так долго, что я испугалась, как бы он не лопнул. А потом он сказал... как это он сказал... – запнулась Олли, стараясь вспомнить подлинное выражение адвоката. – Да, он сказал: «Какое ужасное, чудовищное недоразумение!» Вот, Гэйб, как он назвал миссис Маркл! Провалиться мне на месте, если он так ее не назвал! Потом у него начался второй приступ смеха, а потом, не знаю уж, как это случилось, Гэйб, но меня тоже разобрал смех, а потом и она стала смеяться.

– Кто она? – воскликнул Гэбриель, впадая в отчаяние.

– Ах, Гэйб, ты думаешь, на свете и женщин других нет, кроме миссис Маркл! – возразила Олли. – Я говорю о даме, которая сидела у адвоката Максвелла и слушала мой рассказ. Да что там слушала! Ловила каждое слово, не хуже чем сам адвокат. Пожалуй что, – добавила Олли не без законной гордости, – пожалуй что, им понравилось, как я рассказывала. Ах, Гэйб, до чего я ее ловко отделала!

– Ну и что же он тебе сказал? – спросил Гэбриель, все еще предаваясь унылости. Как и всякому простодушному человеку, лишенному чувства юмора, непонятная веселость адвоката должна была показаться ему весьма подозрительной.

– Адвокат хотел сразу же идти к тебе, сказал, что вам нужно объясниться, но дама его остановила и что-то шепнула на ухо; я не расслышала. Наверное, Гэйб, они очень дружны; он каждого ее слова слушается. А мне она сказала, чтобы я шла домой, и еще сказала, что никуда не нужно уезжать. На том мы дело и покончили.

– А больше он ничего тебе не сказал? – встревоженно спросил Гэбриель.

– Больше ничего. Он стал было расспрашивать меня про старые времена и про Голодный лагерь, но я сделала вид, что ничегошеньки не помню – я уже тебе говорила, Гэйб, что не хочу, чтобы меня считали каллибанкой, – так что я нарочно стала отвечать ему невпопад, пока он не сказал этой даме: «Девочка, как видно, ничего не знает». А дама и не хотела совсем, чтобы он меня расспрашивал; она даже знаки мне делала, чтобы я ему не отвечала. Ах, Гэйб, она такая умница! Я сразу заметила, как только увидела ее.

– А какая она из себя, Олли? – спросил Гэбриель с виду совсем равнодушно, но на самом деле обуреваемый всевозможными мыслями.

– На миссис Маркл ни капельки не похожа, Гэйб, совсем в другом роде. Небольшого роста, с белыми зубками, тоненькая, красиво одетая. Она не так уж мне понравилась, Гэйб, хоть и была со мной добра. Мне трудно рассказать точно, какая она; у нас таких нет. Ах господи, да вот и она сама, Гэйб, пришла сюда!

Кто-то, войдя, заслонил свет, падавший через открытую дверь. Когда Гэбриель поднял голову, он увидел женщину, которую спас в каньоне. Это была госпожа Деварджес.

Часть третья Жила

1. Ветеран 49-го года

Начало нежаркого лета 1854 года ознаменовалось на калифорнийском побережье приходом туманов, густых, холодных, синевато-серых, непроницаемых для человеческого глаза. Короткая весенняя пора едва миновала, на холмах в окрестностях Сан-Франциско еще не увяли цветы, и в горах Контра-Коста дикий овес не успел даже пожелтеть. Но он был плотно укрыт густой, словно китайская тушь, вуалью, а полевые цветы в холодных объятиях тумана стояли как неживые. Словом, погода была настолько непривлекательной, что калифорнийским ветеранам приходилось с удвоенным усердием внушать приезжему гостю, что туман весьма полезен для здоровья и что лучше климата, чем в Калифорнии, нигде не сыскать.

Не было, пожалуй, другого человека, столь склонного к подобным заверениям и столь в них настойчивого, как мистер Питер Дамфи, банкир и капиталист. Его вера в настоящее и будущее Калифорнии была поистине безграничной. Пылкая уверенность мистера Дамфи в том, что свет не видывал такой замечательной страны и такого замечательного климата, равно как и его беспощадная вражда ко всем, кто не соглашается с ним, выдвигали этого джентльмена в первые ряды калифорнийских патриотов. Выражая свое мнение по названным вопросам, Дамфи был настолько тверд и категоричен, что даже после самой краткой беседы с ним трудно было не проникнуться убеждением, что всякий иной климат, всякая иная цивилизация и всякое иное состояние общества, нежели те, что господствуют в Калифорнии, являются прискорбным отклонением от нормы. Новоприезжих сразу вели к Дамфи, чтобы они могли немедленно припасть к этому кладезю веры, да и старожилам из числа колеблющихся и слабых удавалось порою, побеседовав с Дамфи, почерпнуть новую бодрость и отделаться от сомнений. Постепенно люди приучились повторять сентенции Дамфи, как свои собственные, и немалая доля рекламных похвал по адресу Калифорнии в газетах, в публичных выступлениях и в частной переписке имела своим первоисточником все того же мистера Дамфи.

Не следует думать, что бесцеремонность мистера Дамфи или категоричность его суждений могли каким-нибудь образом дурно отразиться на его репутации. В большинстве своем жители окраин нашей страны с пренебрежением относятся к излишней учтивости или изяществу манер, и грубость мистера Дамфи легко сходила за прямоту характера. «Пит Дамфи не из тех, что ходит вокруг да около, – таково было господствующее мнение о нем, – возьмет да и выложит вам напрямик все, что про вас думает». Самоуверенность Дамфи была почти неправдоподобной; невежество – столь наглым, что любой противник, будь он трижды мудрецом, пасовал перед ним и стушевывался; вдобавок мистер Дамфи владел еще одним редчайшим даром природы – беспримесным, чистопробным бесстыдством.

Во всеоружии этих боевых качеств мистер Дамфи восседал в то утро в своем кабинете, полный презрения к туману, клубившемуся за окнами конторы, или, точнее говоря, к тем нестойким элементам общества, которые поддавались влиянию тумана. Его настроение легко было прочесть на его лице, твердость черт которого сочеталась с безукоризненной гладкостью (за то время, что читатель не встречал мистера Дамфи, тот начисто сбрил бороду, считая ее слишком запоминающейся приметой). Хотя день еще только начинался, Дамфи успел решить немало дел, действуя с той быстротой и точностью, при которых даже мелкий

промах выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Подписывая очередное письмо, поднесенное ему одним из клерков, Дамфи бросил коротко, не поднимая головы:

– Впустите мистера Рамиреса.

Мистер Рамирес, который уже четвертый день безуспешно добивался приема у Дамфи, вошел в кабинет обозленный и разобиженный, однако поспешил спрятать свою обиду, как только предстал перед решительным и свирепым Дамфи.

– Как дела? – спросил Дамфи, не отрывая взгляда от бумаг на столе.

Пробормотав что-то относительно дурной погоды, оробелый Рамирес уселся на стул поблизости от Дамфи.

– Говорите, зачем пришли, – сказал Дамфи, – я слушаю.

– Я хотел бы послушать, что вы скажете, – вкрадчиво возразил Рамирес. – Я пришел узнать, нет ли чего нового?

– Так! – сказал мистер Дамфи, проворно подписывая одну бумагу за другой. – Так! Так! Так! – Он покончил с бумагами, повернулся вместе с креслом к мистеру Рамиресу и сказал еще раз «так!» столь решительно, что привел того в полное замешательство. – Рамирес! – резко обратился мистер Дамфи к своему посетителю. – Сколько вложили вы в это дело?

Теряясь в догадках, Рамирес ответил несколькими восклицаниями.

– А? Да? О чем это вы?

– Глубоко увязли или нет? Сколько теряете?

Мистер Рамирес сделал попытку заглянуть Дамфи прямо в глаза.

– Сколько... я... теряю? А что? Почему?

– Сколько-денег-вы-вложили-в-это-предприятие? – спросил мистер Дамфи, отделяя каждое слово ударом ручки по письменному столу.

– Ни цента! Я просто желаю успеха госпоже Деварджес.

– Значит, увязли не слишком глубоко? С чем и поздравляю! Почитайте-ка, что она пишет. Дайте ему это письмо.

Последние слова были адресованы клерку, который вошел в кабинет с каким-то вопросом. Пожалуй, Рамиресу повезло, что следующие несколько минут мистер Дамфи был настолько поглощен новым клиентом, что полностью позабыл о предыдущем. Начав читать письмо, Рамирес сделался пепельно-серым, потом лицо его побагровело. Трижды он облизнул пересохшие губы, потом воскликнул: «Карамба!» – и устремил горячий взгляд на Дамфи.

– Вы читали это? – спросил он, потрясая письмом.

– Прошу прощения! – возразил Дамфи, заканчивая беседу с клиентом и провожая его до двери. – Да, читал, – сказал он, возвращаясь к столу и глядя на Рамиреса. – Читал.

Рамирес потряс письмом вторично. Он сделал попытку улыбнуться, но улыбка получилась невеселой.

– Да, – холодно промолвил Дамфи, наклоняясь к Рамиресу и отбирая у него письмо. – Да, – повторил он, пробегая письмо. – Насколько я понимаю, она намеревается выйти замуж. За того самого брата, который владеет участком. Следовательно, она обходит все препятствия и становится законной владелицей. А вы выбываете из игры.

Преследуемый горящим взглядом Рамиреса, мистер Дамфи сунул письмо в ящик и постучал рукой по столу, показывая всем своим видом, что аудиенция окончена.

– Ну, а вы? – прохрипел Рамирес. – Как же вы?

– Я не вложил в это дело ни доллара, хоть и считаю его достаточно солидным. У нее всегда были определенные шансы на выигрыш. Документ или завещание – у вас в руках, не так ли? Та, вторая женщина, не подает признаков жизни. – Мистер Дамфи говорил все это своим зычным голосом, не обращая ни малейшего внимания на предостерегающие жесты Рамиреса. – Хэлло! Как дела? – обратился он к вошедшему клиенту. – Я только что послал к вам нарочного.

Рамирес поднялся. Крепко сжав руки, он вонзил свои длинные ногти в желтую кожу ладоней. В лице его не было ни кровинки, губы пересохли.

– Уже уходите? – спросил Дамфи. – Жду вас в ближайшие дни. Вы нужны мне по другому делу, Рамирес. Мы заинтересованы в одной заявке, но там не хватает двух-трех важных документов. Думаю, вы могли бы их для нас раздобыть. Все расходы беру на себя.

Мистер Дамфи сказал это без всякой таинственности, пренебрегая намеками или околичностями. Откровенность его можно было выразить в следующей формуле: «Ты разбойник, и я разбойник, а что касается третьего, кто слушает наш разговор, то нам на него наплевать».

Усевшись поудобнее, мистер Дамфи занялся беседой с новым клиентом, как видно, полностью позабыв о Рамиресе.

Когда Рамирес вышел на улицу, лицо его стало более спокойным, хотя бледность не проходила. Так или иначе, туман, окрасивший все лица в синевато-серые тона, помог ему скрыть потерю румянца от посторонних наблюдателей. Не помня себя, стремительным шагом он направился к заливу и остановился, лишь дойдя до паровой пристани. Здесь, когда он обрел чувство реальности, ему показалось, что он сделал лишь один шаг от конторы Дамфи до набережной; что было с ним по дороге, он не сумел бы объяснить. Пароход в Сакраменто отходил в восемь вечера, сейчас было только десять часов утра. Он отлично понимал это. Но не прийти сюда не мог, даже зная, что спешит впустую: жажда мщения требовала от него каких-то действий. Ждать еще целых десять часов! Десять часов сидеть сложа руки! Нет, надо чем-то занять себя!

Не наточить ли ему свой нож? Или купить новый, поострее? Можно купить и новый пистолет. Он вспомнил, что только что прошел мимо оружейной лавки, где в витрине поблескивали ножи и пистолеты. Он повернул назад, вошел в лавку и стал внимательно разглядывать товар оружейника. Особенно приглянулся ему большой охотничий нож с широким лезвием.

– Собственной выделки, – сказал оружейник с профессиональной гордостью и провел грубым залубеневшим пальцем по остро отточенному лезвию. – Рубит полдоллара пополам. Вот поглядите.

Он бросил на прилавок пятидесятицентовую монету и коротким сильным ударом ножа рассек ее на две равные части. Мистер Рамирес пришел в восторг и захотел лично повторить опыт. Но нож скользнул по монете и, сбив ее на пол, вырубил на прилавке длинную борозду.

– Шалят нервы. К тому же излишне усердствуете, – равнодушно сказал оружейник. – С вашим братом постоянно та же история. Пустяку придаете такое значение, словно от него вся жизнь зависит. А тут глазное – спокойствие.

И, щегольнув еще раз меткостью и мастерством удара, оружейник перерубил пополам вторую монету.

Рамирес купил нож. Заверачивая покупку в бумагу, оружейник сказал с философическим сочувствием:

– Сейчас я на вашем месте и пытаться бы не стал. Если человек плохо спал, рука у него наутро нетвердая. Это я твердо знаю. Проведите сегодняшний день поспокойнее, не думая ни о чем таком волнительном, и, ручаюсь вам, разрубите монету в лучшем виде!

Выйдя на улицу, мистер Рамирес посмотрел на часы. Одиннадцать! Прошел всего только час! Он спрятал нож во внутренний карман сюртука, тщательно застегнулся на все пуговицы и быстро зашагал прочь. Через час он поднимался в гору неподалеку от миссии Долорес. В одном из переулочков он повстречался с женщиной, сильно походившей на ту, о которой он ни на минуту не переставал думать; он уставился на нее с такой злобой, что женщина в страхе отпрянула. Это случайное происшествие, неутихавшая внутренняя тревога и сухость во рту послужили для него достаточным поводом, чтобы зайти в салун. Там

он напился, что, впрочем, не усилило и не ослабило владевшего им волнения. Он вышел на людную улицу во власти все тех же навязчивых мыслей; когда он на мгновение отрывался от них, ему казалось, что прохожие глядят ему вслед, и он убыстрял шаги.

Во-первых, можно просто уличить ее в коварстве и убить тут же, на месте. Другой план, более прельщавший Рамиреса, был таков: застичь ее врасплох с новым сообщником (подобно большинству ревнивцев, он не допускал мысли, что привязанность его недавней возлюбленной к сопернику может иметь более благородные мотивы, чем привязанность к нему самому) и прикончить обоих. Был еще третий план – убить только его одного, чтобы потом насладиться ее отчаянием, унижить ее, заставить молить о прощении. Но пока он доберется до них, пройдет целых два дня! Они успеют пожениться! Успеют уехать!

Пьяный от неистовой жажды мести, Рамирес ни на минуту не задумывался, соответствуют ли его кровавые планы нанесенной ему обиде. Его выставили дураком, круглым дураком – разве этого недостаточно? Как только он прочитал письмо, его пронзила мысль, которую можно было выразить в одном слове: отныне он олух. Это слово стояло теперь у него перед глазами. Он читал его на всех вывесках. «Олух» – бормотал кто-то над самым ухом. Нет! Он расплатится с нею за все!

День уже клонился к вечеру; туман не рассеялся, напротив, стал еще гуще. С залива донеслись удары колокола и свистки. Пойдет ли пароход? А что, если он задержится, запоздает на несколько часов? Надо поспешить на пристань, навести справки. Будь проклят этот туман! Если они посмеют задержаться с отплытием, пусть и тогда трусливая собака – капитан, и шайка койотов, которой он командует, горят в вечном огне – он будет молить об этом святого великомученика Варфоломея! Рамирес резко свернул на Коммершиел-стрит и вскоре, повинаясь инстинкту, который гонит отчаянного человека в отчаянное место, стоял у дверей салуна «Аркада». Войдя, он осмотрелся кругом.

Огромный зал, весь в зеркалах, сверкающий огнями и позолотой, по контрасту с шумной улицей, казался торжественно-тихим. Для завсегдатаев время было еще ранним, и большая часть длинных карточных столов пустовала. В *монте* играли только за одним столом; Рамирес направился прямехонько к нему; как и все мексиканцы, он предпочитал *монте*. По чистой случайности, банк за этим столом держал Джек Гемлин, сдававший карты в своей обычной рассеянной и небрежной манере. Следует напомнить, что узкой специальностью Джека был *фараон*. Сейчас он замещал приятеля, который пошел наверх пообедать.

Рамирес швырнул на стол золотой и проиграл. Он проиграл во второй раз. Потом – в третий. Тогда он излил обуревавшие его чувства в характерном «Карамба!». Мистер Джек Гемлин поднял глаза. Внимание его привлекло не услышанное проклятие и не досада проигравшего – все это было здесь в порядке вещей, – нет, просто голос незнакомца пробудил в цепкой памяти Джека некоторые ассоциации. С первого взгляда он припомнил, где видел этого человека. Ничем не обнаруживая своего открытия, он продолжал метать банк. Мистер Рамирес выиграл. С невозмутимым спокойствием мистер Гемлин протянул лопаточку и загреб золотой Рамиреса вместе со ставками проигравших.

Как и предполагал мистер Гемлин, Рамирес с неистовым воплем вскочил из-за стола. Тогда мистер Гемлин с полным пренебрежением, даже не глядя на Рамиреса, пододвинул ему его выигрыш. Не взявши денег, Рамирес кинулся к банкомету.

– Хотел меня оскорбить? А? Хотел обжулить? Хотел отнять мои деньги? – прохрипел он, дико размахивая одной рукой, а другой судорожно нащупывая что-то во внутреннем кармане сюртука.

Джек Гемлин пристально поглядел на Рамиреса своими черными глазами.

– Сядь, Джонни!

Взвинченный до предела треволнениями сегодняшнего дня, еще не остывший от вынашиваемых кровавых замыслов, Рамирес, получив это новое, нестерпимое оскорбление,

готов был убить игрока. Возможно, с этим намерением он и кинулся к Гемлину. Возможно, он принял это решение в момент, когда тот осмелился его, Виктора Рамиреса, завтрашнего убийцу двух человек в Гнилой Лощине, публично назвать Джонни. Но, заглянув в глаза мистеру Гемлину, он передумал. Что именно он в них увидел, не берусь сказать. У Джека были выразительные глаза, большие, ясные, а также, как утверждали некоторые представительницы прекрасного пола, лукавые и нежные. Я со своей стороны могу лишь констатировать, что мистер Виктор Рамирес, не промолвив более ни слова, вернулся на свое место.

– Вы еще не знаете, что это за человек, – сказал мистер Гемлин, обращаясь к двум ближайшим соседям таким тоном, словно доверял им огромной важности тайну, но вместе с тем достаточно громко, чтобы его слышали все сидевшие за столом, включая и Рамиреса. – Вы еще не знаете, зато я знаю. Отчаяннейший мужчина, доложу я вам. – Мистер Гемлин лениво тасовал колоду. – Ваши ставки, джентльмены! У него скотоводческое ранчо в Сономе, а по соседству частное кладбище, где он хоронит своих врагов. Кличка его – Желтый Ястреб Сономы. Сегодня он в скверном настроении. Возможно, недавно прирезал кого-то и еще чувствует свежую кровь.

Мистер Рамирес криво усмехнулся и сделал вид, что его ничто на свете не интересует, кроме движений лопаточки мистера Гемлина.

– А до чего хитер наш Джонни! – продолжал мистер Гемлин, постучав колодой по столу. – Хитер и коварен! В особенности, когда преследует очередную жертву. Вот он сидит и смеется. Не хочет портить игру. Ведь он отлично знает, джентльмены, что через пять минут вернется Джим и я буду свободен. Этого момента он и ждет. Вот почему смеется Желтый Ястреб Сономы. Во внутреннем кармане сюртука у него спрятан нож. Завернут в бумагу, чтобы, спаси бог, не испачкать. Джонни аккуратен с оружием. На каждую жертву припасает новый нож.

Сделав вид, что нисколько не обижен на шутку банкмета, Рамирес поднялся из-за стола и ссыпал в карман свой выигрыш. Мистер Гемлин делал вид, что не замечает его движений, до того самого момента, когда Рамирес повернулся, чтобы уйти.

– Решил обождать меня на улице, – сообщил он слушателям. – Всего лишь пять минут, Джонни! – крикнул он вслед удалявшемуся Рамиресу. – А если нет охоты ждать, то милости прошу на будущей неделе. Отель «Мэрисвилл», номер девяносто два, рядом с тем номером, Джонни, с тем самым номером!

Мистер Рамирес, вышедший из салуна «Аркада» на людную улицу, был настолько не похож на мистера Рамиреса, вошедшего в тот же салун двадцатью минутами ранее, что их можно было принять за двух разных людей. Дышал он ровнее, на впалых щеках его играл прежний румянец, взгляд был уже не отрешенным и застывшим, но по-старому живым и беспокойным. Если не считать, что, выйдя из салуна, он ускорил шаг и раза два тревожно оглянулся, не идет ли кто за ним, то можно было бы смело утверждать, что мистер Рамирес полностью переменялся. И заметьте, не проливши ни капельки крови и не осуществив ни одного из своих мстительных замыслов. Поскольку я не ищу чести знать о мистере Рамиресе больше, чем он знает о себе самом, я не сумею объяснить то, чего не смог и он себе объяснить: по какой причине он переменялся и почему вдруг охладел к взлелеянному плану мести. Быть может, если учесть, что ранее, несколько часов подряд, он разжигал свои инстинкты, не усматривая для них никакой преграды, а за последние двадцать минут получил некий афронт, психологическая загадка не окажется столь сложной. Могу лишь сообщить, что в половине седьмого мистер Рамирес пришел к выводу, что физическую расправу с неприятелями нельзя считать идеальным планом мести, а в половине восьмого принял решение вообще не брать билета на пароход, направлявшийся в Сакраменто. И тем не менее я утверждаю, что в продолжение предшествующих шести часов мистер Рамирес был самым доподлинным убийцей, не менее кровавым, чем все те, кто на деле совершил задуманное пре-

ступление, ибо случай не послал им мистера Гемлина, дабы пробудить в них природную трусость.

Мистер Рамирес спускался фланирующим шагом по Монтгомери-стрит, пока не дошел до угла Пасифик-стрит. Здесь его задержал запряженный шестеркой фургон, промчавшийся в тумане по направлению к пристани. Рамирес узнал курьерскую почту, спешившую к отплытию парохода на Сакраменто. Он не знал, однако, что в мешке почтальона лежало письмо следующего содержания:

«Сударыня, мы получили Ваше письмо от 10-го числа сего месяца и внимательно с ним ознакомились. В случае успеха наша фирма обеспечивает Вам полную поддержку. Мы считаем Ваш нынешний план не менее удачным, чем предыдущий. Рекомендуем воздержаться от свидания наедине с мистером Рамиресом и привлечь для беседы с ним мистера Конроя. Присутствие третьего лица предотвратит возможность насильственных действий со стороны мистера Рамиреса. С совершенным почтением Питер Дамфи».

2. Толпа свидетелей

Улочка, в которую свернул Рамирес, на первый взгляд казалась решительно ни на что не похожей; о ней можно было лишь сказать, что причудливые, неправильной формы дома стояли по обе ее стороны; других отличительных признаков улицы она не имела. Она была дурно освещена, грязна, вся в лужах; наполовину в камнях и ухабах, наполовину в завалах песка; два или три раза она – самым прискорбным образом для пешехода – резко меняла уклон. Как видно, того, кто прокладывал улицу, нисколько не заботила судьба ее обитателей; он рассматривал дома как досадные помехи и, не задумываясь, жертвовал ими в угоду своему замыслу. Некоторые дома он наглухо закрыл от внешнего мира, к другим открыл доступ лишь по лестницам, в целом же добился впечатления, что все они были начаты постройкой с крыши и лишь потом, постепенно, доведены до фундамента. Таков был ближайший эффект его действий. Последующие результаты не заставили себя ждать. Улица практически перестала существовать для граждан Сан-Франциско, а обитатели ее стали считать себя как бы живущими вне человеческого закона. Некоторые из домов с самого начала были заселены коренными калифорнийцами испанского происхождения; верные консервативной традиции своей расы, они продолжали лнуть к своим *casa*⁷, даже когда американцы удалились в новые, не столь гористые и более удобные для обитания части города. Следуя социальному закону, обрекающему политически бесправное и униженное меньшинство на изолированное существование, на место американцев прибыли другие – коренные калифорнийцы, и улица вскоре получила известность под именем Испанского квартала. Вдумчивого наблюдателя, склонного отмечать явления странные и достойные сожаления, должно было поразить, что все эти люди обитали в домах, нисколько не отвечавших их вкусам и навыкам, и вели жизнь, чуждую их природным склонностям и обычаям.

Возле одного из описанных строений, а если быть более точным, то прямо под ним, мистер Рамирес замедлил шаг и начал подъем по длинной деревянной лестнице, которая привела его в конце концов к основанию дома. Преодолев вторую, столь же протяженную лестницу, он добрался до веранды, или галереи, второго этажа (дело в том, что первый этаж дома был почти полностью скрыт насыпью). Рамирес разыскал третью лестницу, ведущую на сей раз вниз. Спустившись, он оказался на открытой площадке перед распахнутой настежь входной дверью. В холле несколько темнолицых людей без сюртуков, без воротничков и без галстуков сидели, развалясь, и покуривали *сигаритос*, как видно, не страшась ни холода, ни тумана. У раскрытых окон сидели две или три женщины. На них были ослепительно белые юбки из тончайшего муслина, все в оборках, плечи же и головы у них были укутаны в теплые шали, словно их талия, как линия экватора, разделяла лето и зиму.

Внутри дом был почти не освещен; желтовато-коричневые стены и темная мебель, с которой табачный дым постепенно снял лакировку, усугубляли общий сумрак. Желтый дым клубился, заполняя веранды и комнаты. Сорочки мужчин были испещрены коричневыми подтеками; желтоватые пятна виднелись и на ослепительно белых юбках дам. Верхний сустав большого и указательного пальца у всех присутствующих был ярчайше желтым. Дом насквозь пропах жженой бумагой и табаком. Изредка на фоне этого ритуального аромата пробивались запахи красного перца и чеснока.

Двое-трое из куривших в холле мужчин степенно приветствовали Рамиреса, как старого знакомого. Одна из женщин – самая полная из всех – появилась в дверях гостиной. Придерживая шаль на плечах с такой старательностью, словно она опасалась невзначай остаться нагой до пояса, женщина кокетливо помахала молодому человеку черным веером и при-

⁷ дом, жилище (исп.)

ветствовала его с большой живостью, обозвав «неблагодарной тварью», «изменником» и «иудой». Когда Рамирес подошел поближе, женщина игриво спросила:

– Почему ты пропадал так долго и откуда ты явился, негодник?

– Неотложные дела, любовь моя, – ответил Рамирес с небрежной галантностью. – Кто там наверху?

– Свидетели.

– А дон Педро?

– Тоже там. И сеньор Перкинс.

– Отлично. Я загляну немного погодя.

Простившись кивком, Рамирес быстро взбежал по лестнице. На первой площадке он остановился и неуверенно постучался в ближайшую дверь. Никто не ответил. Он постучал громче и решительнее, ключ с лязгом повернулся в замке, дверь распахнулась, появился человек в ветхом сюртуке и обтрепанных брюках. Он яростно уставился на Рамиреса, сказал по-английски: «Какого еще дьявола? Стучитесь рядом!» – и хлопнул дверью перед самым носом Рамиреса. Рамирес тут же направился к двери, указанной свирепым незнакомцем, и был встречен густыми клубами дыма и приветственными возгласами.

За круглым столом, на котором были разбросаны загадочного вида документы, пергаментные свитки в географические карты, сидели шестеро. Почти все они были пожилые люди, темнолицые и седовласые, а один, сморщенное лицо которого цветом и фактурой походило на кору красного дерева, был совсем дряхлый старик.

– Третьего дня ему исполнилось сто два года. Он главный свидетель по делу Кастро. Удостоверяет подпись руки Микельторрены, – пояснил дон Педро Рамиресу.

– А помнит ли он вообще что-нибудь? – усомнился Рамирес.

– Кто знает? – пожал плечами дон Педро. – Он даст показание под присягой; больше ведь ничего не требуется.

– Что за зверь живет у вас в соседней комнате? – спросил Рамирес. – Волк или медведь?

– Это сеньор Перкинс, – ответил дон Педро.

– А что он там делает?

– Переводит.

С некоторым раздражением Рамирес поведал, как он попал не в ту дверь и сколь неприветливым оказался незнакомец. Присутствующие выслушали его молча, со вниманием. Будь на их месте американцы, Рамиреса, конечно, подняли бы на смех. Но тут никто не улыбнулся; всякое нарушение учтивости даже для этих людей, нравственность которых стояла под вопросом, было нешуточным делом. Дон Педро попытался разъяснить происшедшее:

– Видишь ли, у него здесь не все в порядке, – он постучал пальцем по лбу. – Но он совсем не похож на других американцев. Точен, молчалив, строгих правил. Часы пробьют три – он здесь; часы пробьют девять – уходит. Битых шесть часов трудится в своей комнатухе. А сколько успевает сделать, Боже милосердный! Ты просто не поверишь. Целые тома! Фолианты! В девять вечера раскрывает конверт, который кладет ему на конторку его *padrone*⁸, вынимает из конверта десять долларов – золотую монету – и уходит. Говорят, что половину он оставляет в игорном доме, ровно пять долларов – ни цента более. Другие пять долларов – на расходы. И так всегда. Каждый божий день. Человек глубочайших знаний, ученый человек, изумительный человек! Испанский знает в совершенстве; французский тоже. Какое неоценимое сокровище для адвокатов, чистое золото, ты сам понимаешь. Но он не желает с ними иметь никакого дела. Он отвечает им: «Я перевожу. Что я перевожу, ложь или правду, мне наплевать. Я перевожу – и только. Ничего более». Изумительный человек.

⁸ патрон, наниматель (исп.)

Упоминание об игорном доме как бы оживило память Рамиреса; он вспомнил о цели своего визита.

– Ты как-то говорил мне, дон Педро, – сказал он доверительно, понижая голос, – что сейчас разрешено подтверждать свидетельскими показаниями старые дарственные на землю, выданные прежними губернаторами и алькальдами. Верно это?

Дон Педро огляделся.

– Из тех, кто сейчас сидит в этой комнате, пятеро покажут в суде все, что я им поручу, – ты меня понимаешь?! – а кроме того, у нас в запасе имеются бывший губернатор, бывший алькальд, воинский секретарь, команданте и даже – смилуйтесь над нами святые угодники! – один архиепископ! Благороднейшие *caballeros*!⁹ Ты ведь знаешь, американцы ограбили их. Что же им делать? Урок пошел на пользу. Теперь они торгуют своей памятью. Да, Виктор, они продают свою память тому, кто больше заплатит. Поверь мне, это так.

– Вот и отлично, – сказал Виктор. – Теперь послушай. Представь себе, что некий человек – разбойник, негодяй, американец – заставил губернатора Пико выдать ему дарственную на землю, настоящую дарственную, ты понимаешь меня, заверенную, подписанную, зарегистрированную в земельной управе. А другой человек – допустим, я – заявляет тебе, что этот документ поддельный. Что ты ответишь, друг и брат мой?

– Дарственная от Пико? – спросил дон Педро.

– От Пико, – ответил Виктор. – Выдана в сорок седьмом году.

Дон Педро поднялся, подошел к стоявшему в углу бюро, выдвинул ящик и достал несколько пожелтевших бланков с бледно отпечатанным заголовком и с печатью в правом нижнем углу.

– Бланки Монтерейской управы, – пояснил дон Педро, – с грифом и подписью губернатора Пико. Ясно тебе, Виктор, друг мой? Ты можешь получить вторую дарственную.

У Виктора заблестели глаза.

– Но ведь это будет дарственная на ту же землю, брат мой.

Дон Педро пожал плечами и скрутил себе новую сигарито.

– Меньше двух дарственных на одну и ту же землю покойный губернатор обычно не давал. Я ни капли не удивлюсь, мой храбрый друг, если окажется, что на твою землю уже выдано три дарственных. Ты говоришь одна, – о, пресвятая мать божия! – тогда это самый что ни на есть простой случай! Да и кому надобна эта земля? Где находится твое скромное имение? Сколько квадратных лиг? Пойдем, запремся в той комнатке и поговорим по душам. Кстати, дорогой Виктор, у меня есть отличная *агуардьенте*!¹⁰ Пойдем!

Дон Педро встал, провел Виктора в соседнюю комнатку и запер дверь.

Прошло около часа. Голос Виктора, подымавшийся порою до крика, не раз доносился до тех, что сидели в большой комнате; однако они были полностью погружены в насыщенную табачным дымом атмосферу, а также достаточно воспитанны, чтобы не мешаться в чужое дело. Они беседовали между собой, сверяли записи и изучали лежавшие на столе документы с любопытством и нескрываемым удовольствием людей, впервые соприкоснувшихся с важным государственным делом. Было уже около девяти часов, когда дон Педро и Виктор закончили свое совещание. С сожалением должен сообщить, что то ли от предшествовавших беседе чрезмерных волнений, то ли от сочувственных речей приятеля и утешительного воздействия *агуардьенте*, но Рамирес сделался непомерно речист, громогласен и бестолков. Напившись допьяна, впечатлительные натуры вроде Рамиреса либо лезут обниматься, либо впадают в безутешную грусть. Рамирес сделался любвеобильным и грустным одновременно. Со слезами на глазах он требовал, чтобы его отвели к дамам. Он должен

⁹ здесь: господа (исп.)

¹⁰ водка (исп.)

излить свою печаль Мануэле (полной девице, уже известной читателю); она утешит его, доверчивого, обманутого, незаслуженно обиженного человека.

На лестнице они повстречали незнакомца, корректно одетого, чопорного, с замкнутым выражением лица. Это был сеньор Перкинс, покончивший на сегодня со своей каторгой; ничуть не походивший на ту подозрительную личность, с которой случайно столкнулся Рамирес час назад; поспешавший, как видно, к игорному столу и прочим вечерним развлечениям. В своем нынешнем плаксивом настроении Виктор охотно поделился бы с ним некоторыми мыслями о коварстве женского пола и о жалкой доле обманутых любовников, но дон Педро постарался поскорее увести его в гостиную, подальше от холодных презрительных глаз сеньора Перкинса.

В гостиной, предоставленный заботам кокетливой Мануэлы, по-прежнему кутавшейся в шаль и по-прежнему неуверенной, что эта часть туалета достаточно прочно держится на ее плечах, Виктор заявил с загадочным видом, что ни одной женщине не понять его сложную и страстную натуру, после чего повалился в глубокое черное кресло, обитое волосистой тканью, и впал в коматозное состояние.

– Придется где-нибудь устроить его на сегодняшнюю ночь, – сочувственно сказала практическая Мануэла, – несчастный не доберется до отеля. Мать божия, это еще что?

Когда они попытались вдвоем поднять Рамиреса – опустившись в кресло, он стал стремительно скользить на пол, так что его приходилось все время придерживать с двух сторон, – что-то выпало у него из внутреннего кармана сюртука. Это был охотничий нож, который он купил утром.

– Ах, – сказала Мануэла, – бандит несчастный! Он водит компанию с *американос*! Взгляни-ка, дядюшка!

Дон Педро взял нож из коричневых рук Мануэлы и хладнокровно обследовал его.

– Нож совсем новый, племянница, – возразил он, слегка пожав плечами. – С лезвия еще не сошел блеск. Давай отведем Виктора в постель.

3. Прелестная миссис Сепульвида

Если существует хоть одно-единственное место, где нестерпимое однообразие калифорнийского климата кажется уместным и естественным, то, уж наверное, это древний почтенный *пуэбло* и миссия¹¹, носящие имя святого Антония. Безоблачное, всегда неизменное, невозмутимое летнее небо кажется здесь отличительным признаком и символом того аристократического консерватизма, который раз навсегда отвергает все и всяческие новшества Путешественник, въезжающий в *пуэбло* на собственном коне, – традиции Сан-Антонио не допускают появления почтовой кареты или дилижанса, с которыми в городок могут прибыть люди случайные и сомнительные, – читает в лицах глазающих пеонов, что крупные ранчерос¹² все еще владеют окрестными землями и отказываются их продавать. Проехав короткую, окаймленную с двух сторон стенами, улицу и выбравшись на *пласа*¹³, путешественник убеждается, что в городке нет ни гостиницы, ни таверны и что, если кто-нибудь из местных жителей не окажет ему гостеприимства, он останется и без еды и без ночлега. Ведя коня в поводу, он входит во двор ближайшего из внушительных особняков, выстроенных из сырцового кирпича, и незнакомые люди приветствуют его важно и гостеприимно. Оглядевшись, он видит, что попал в царство прошлого. Солнце жжет на низких крышах продолговатую красную черепицу, напоминающую кору коричневого дерева, так же, как жгло ее уже сто лет, а костлявые, похожие на волков псы облаивают его в точности так, как отцы и матери облаивали предыдущего незнакомца, забредшего во двор добрых двадцать лет тому назад. Несколько полуобъезженных мустангов, связанных крепкими реатами¹⁴, стоят возле длинной, низкой веранды; солнце играет на серебряных бляхах, украшающих конскую сбрую; кругом, куда ни глянь, глухие глинобитные стены; ровная белизна их столь же невыразительна, как и монотонно текущие здешние дни, как невозмутимые, бесчувственные небеса; над зеленью оливковых деревьев и груш, кривых, дуплистых, шишковатых, словно скрюченных старческим ревматизмом, поднимаются белые куполообразные башни миссии; за миссией – узкая, белая прибрежная полоса, а дальше океан, безмерный, сверкающий, извечный. Пароходы, медленно ползущие вдоль темной береговой линии, кажутся отсюда существами далекими, нереальными, принадлежащими к миру Фантазии. С той поры – это случилось в 1640 году, – когда буря выбросила на прибрежный песок выбеленные морем останки испанского галеона, ни один корабль еще не бросил якорь на открытом рейде, пониже изогнутого Соснового мыса, откуда вопросительно и безнадежно глядятся в океан белые стены *пресидио* и снятая с лафета бронзовая пушка.

¹¹ миссии в испанской Калифорнии первоначально – опорные пункты католической церкви, насильственно обращавшей в христианство индейские племена; вокруг храмов или монастырских построек зачастую вырастал городок – *пуэбло*.

¹² землевладельцы (исп.)

¹³ площадь (исп.)

¹⁴ веревка, лассо (исп.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.